

84/2 Росг Рхе/68

744 К

ПОД СОЗВЕЗДИЕМ "КЕДРА"

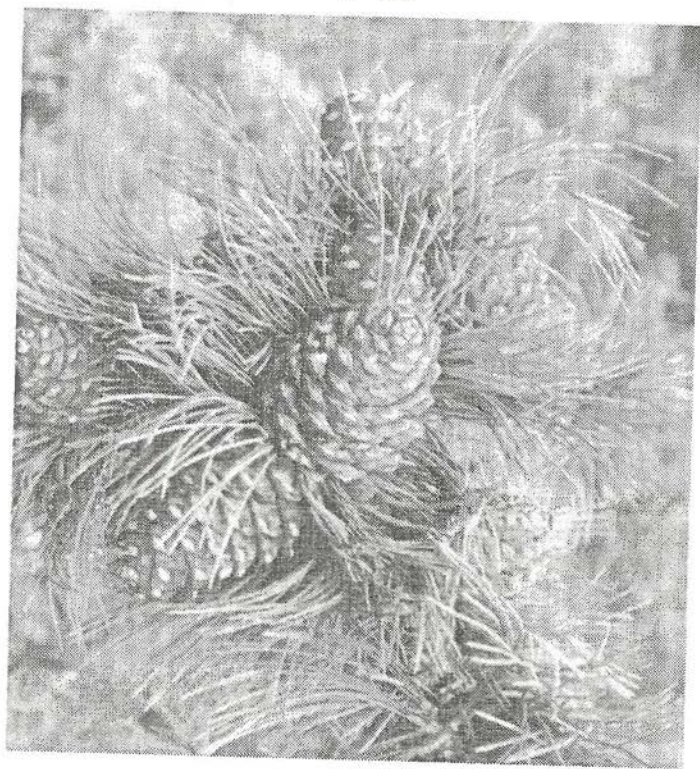
АЛЪМАНАХ

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

12/17 - 10/17ю

84(2)/6 Н
1744

Под созвездием «Кедра»

альманах

Ж 075220-6 0

г. Советский

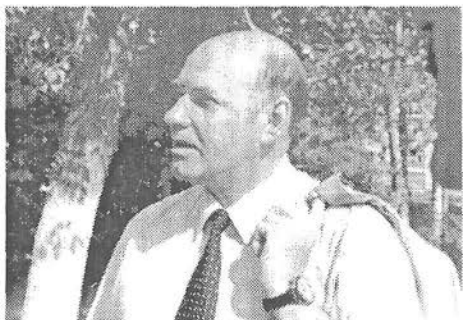
2002 г.

Альманах
« Под созвездием « Кедр»
посвящен 30 - летию образования
литературного объединения « Кедр»

Централизованная
библиотека-читальня
Советского района

ISBN 5 - 94007 - 026 - 4

УП ХМАО « Советская типография» 2002 г.

Дорогие читатели!

Прошло три года со времени первого выпуска альманаха «Под созвездием «Кедра». И вот, в год 30-летия литературного объединения, вы открываете вторую книгу. За три года многие литераторы возмужали, подросла творческая поросль. Свои первые книги выпустили при финансовой поддержке администрации района Александр Губанов, Людмила Ветрова, Татьяна Рыжикова, Любовь Цонева, также новыми книгами порадовали члены Союза писателей России Владимир Волковец, Stanisлав Юрченко, Александр Игумнов. Для них Советский район явился литературной родиной, а литературное объединение школой творчества.

Отрадно, что истоки питающие творчество наших людей, не иссякли – появились новые имена, что в альманахе представлено творчество югорчан.

Желаю литераторам творческих удач, благодарного читателя и достойной критики!

*Андрей Расковалов,
глава Советского района.*

Первое организационное

Суббота в редакции газеты прошла необычно. Из поселков района прибыли представители самых разных профессий, но их всех роднит большая любовь к литературе, к образному меткому слову. Приходя домой после трудового дня, каждый из них берется за перо и пытается на бумаге рассказать о красоте жизни – пишет стихотворения, рассказы, очерки.

Свои литературные опыты непрофессиональные авторы читают близким и знакомым, посылают в какой-либо печатный орган. Немало таких писем приходит в редакцию газеты «Путь Октября». Газета периодически публиковала наиболее удачные стихи и рассказы местных поэтов и писателей. За последнее время круг пишущих стихи и рассказы расширился. Стало ясно: нужна постоянная форма общения. И вот идет организационное занятие литературного объединения. Редактор П.А.Пляскин так определил цель объединения:

- Оно будет отбирать для очередных «Литературных страниц» стихи и рассказы и, с другой стороны, оказывать помощь авторам. Хотелось, чтобы наши авторы активнее вникали в жизнь, разрабатывали общественно значимые темы, не писали произведения только для личного пользования. Начинающие поэты и писатели не должны пренебрегать газетными жанрами.

Литобъединение при редакции «Путь Октября» сформировано и приступило к работе. Единогласно дали ему название - «Кедр». Председателем выбран Владимир Кочкаренко, секретарем Владимир Фомичев.

Деловой и товарищеский дух организационного занятия – залог успешной работы литературного объединения в будущем.

В. Тимофеев

Газета «Путь Октября», 4 декабря 1971 года

Владимир Фомичев,
член Союза писателей СССР и
России,
лауреат Международной пре-
мии К.Симонова,
академик

СИБИРСКИЙ «КЕДР»

Советский район Тюмен-
щины – одновременно и Си-
бирь, и Крайний Север, и Азия.
И тайга, и газ, и нефть. Скоро
будет тридцать лет, как поэт
Владимир Кочкаренко и ваш

покорный слуга, еще бескнижные, посадили в этой точке зем-
ли Югорской «Кедр» - лито при районной газете «Путь Ок-
тября». Я работал в ее редакции, а мой друг на телестудии в
соседнем поселке. Все было в первопроходческом начале, как
наши журналистские коллективы, сама человеческая жизнь в
сей глухомани. Насельники новой административной едини-
цы прибывали со всего Союза. У меня слагались такие стро-
ки: «Спою о юге... Только прежде о северной, необжитой и,
как галактика, безбрежной земле, что греем мы с тобой». Од-
ного леса район начал заготавливать пять миллионов кубо-
метров, восьмидесятую часть древесины всей страны! Сердца
наши были исполнены музыкой целого оркестра народного
вдохновения.

Символом созидательной эпохи жил во мне «маленький
Советский Союз» в последнее десятилетие – десятилетие раз-
грома нашей Родины и превращения в сверхдержаву социали-
стического Китая, что начисто опровергает миф о том, что
развитию СССР мешал его общественно-политический строй.
Первописателями стали участник последней международной
книжной ярмарки во Франкфурте-на-Майне совершенно нео-
быкновенный Е.Б.Н., демокрица Новодворская – не Ю.Бон-

дарев и В.Распутин, о притоке подлинных талантов в литературу забыли и думать... И вот случилось чудо: в сентябре 2000 года меня пригласили руководить поэтическим семинаром-совещанием молодых писателей Советского района, объединенных в посаженном нами с В.Кочкаренко литературном объединении «Кедр». Финансировали мероприятие две администрации: района и города Югорска. Вместе со мной были востребованы заместитель главного редактора «Литературной России» Вячеслав Огрызко, секретарь Ханты-Мансийской писательской организации Николай Коняев, тюменский поэт и прозаик, редактор газеты «Тюмень литературная» Николай Денисов.

Оказалось, дерево изящной словесности не только сохранило свою вечнозеленую природу, но и стало громадным. В объемном альманахе «Под созвездием «Кедра», изданном здесь к 30-летию района и собравшем «под единой обложкой тех, для кого писательство является потребностью духовного самовыражения», «живших и живущих» в таежном краю, множество имен, помимо создателей литобъединения – Евгений Вдовенко, Александр Губанов, Владимир Волковец, Станислав Юрченко, Борис Зуйков, Александр Игумнов, Борис Карташов, Любовь Цонева, Леонид Сташкевич... Это интересные писательские репутации. Взять нынешних руководителей «Кедра»: прозаика Александра Игумнова и поэта Владимира Волковца, членов Союза писателей России. В книге «Пробуждение» «афганец»- вертолетчик А.Игумнов предстает едва ли не самым правдивым художником современной войны. Не случайно о нем пишут, спорят известные критики, товарищи по творческому цеху и участвовавшие с ним в боевых действиях – в контексте произведений на фронтовую тематику Ю.Бондарева, В.Быкова, А.Проханова, при обсуждении глобальных проблем войны и мира.

Будучи слесарем местного леспромхоза принес мне в районку свои первые стихи Володя Волковец, старожил-«кедровец». С тех пор отслужил в армии, окончил Литературный институт им. А.М.Горького. Сейчас – редактор газеты «Весть».

Автор многих поэтических книг. Это яркое национальное дарование, уходящее корнями в родную землю, как сосновые боры у могучих Кондинских озер. Его муза не заакадемизирована, она светла и печальна. Ее любят земляки, знают ценители истинной поэзии во всей России.

Под стать лидерам – литературный подрост. наподобие лесного в окрестных чащах. Поднимается на плодородной почве, в традиционных условиях. Я заметил, что здесь вообще прочнее, чем в столице, связи между поколениями – не только между поколениями пишущих, стабильнее понятия. Никто, скажем, не вводил на этой Зауральской равнине термин «беспозье», и потому создателей ритмических строк участвовало в совещании около двадцати. Ведь народ сохранил душу, которую по-другому и называют поэзией. Да еще – авторы рассказов и повестей. Мы рекомендовали окружной писательской организации принять двух самостоятельных творцов художественных произведений в профессиональный Союз – Дмитрия Пивненко (Токкеа) и Людмилу Ветрову, а администрациям двух городов – издать одобренные семинаром рукописи. Это было встречено с пониманием. Кстати, в кабинете главы администрации в Советском имеется полочка с книгами, изданными при поддержке и содействии руководителей района. Это ли не говорит об их высоком культурном уровне?

Прошел год. Прежний лидер после выборов нового губернатора области вместе с ним трудится на ответственном посту в Тюмени. Руководителем в Советском является вчерашний первый заместитель Митрофанова Андрей Расковалов. Он, к счастью, как и предшественник, – самый надежный щит культуры в этой точке Югорского края. О том свидетельствует хотя бы такая наличность: издание и презентация в нынешнем октябре солидного тома произведений Вячеслава Смоленского на главной Российской выставке в Москве и выпуск второго тома альманаха «Под созвездием «Кедра», который вы, дорогой читатель, держите в своих руках.

Радует творческий рост молодых писателей, дышащих хвойным воздухом Приобской тайги. Не случайно в сборнике

появились новые имена, в том числе открытые нами год назад на совещании молодых литераторов. Процесс развития местной литературы я постоянно ощущаю даже в Москве: по публикациям некоторых вчера еще безгласных советчан и югорчан в центральной писательской периодике, при обмене информацией с корифеями художественной прозы и поэзии Тюменщины. Так, при свиданиях в Белокаменной с Николаем Коняевым и Николаем Денисовым, из переписки с ними узнал: «кедровцы» стали посылать старшим товарищам по перу рукописи будущих книг на отзыв, составление и редактирование. То есть с пользой для их совершенствования учтена рекомендация совещания молодых писателей в Советском и Югорске. Хотелось бы, чтобы такое стало доброй традицией, не было случайным. Естественно, вся технологическая цепочка превращения рукописных произведений в печатные будет действительна при учете финансовой стороны проблемы, что обыкновенно при любой экономике. Ведь даже великий А.С.Пушкин, дворянин, пожимавший руку самого царя, не стеснялся в сфере изящной словесности отношений купли-продажи, наоборот, открыто следовал им:

Не продается вдохновенье,

Но можно рукопись продать.

Рано ушел из жизни Владимир Кочкаренко. Но земля нашей юности как бы хранит его завет, выраженный в следующей строфе:

Я сейчас улетаю, берите, потомки планету

и храните ее, украшайте мою колыбель.

Наша общая Мать и Могила, ее сохраните

среди неведомых ваших, невиданных перемен.

Почему принимает, как сына,
Где б я ни был, любой меня край:
Север, Дальний Восток, Украина,
Белоруссия, горный Алтай?

Почему так забота огромна
В дальнем городе или селе?
Потому что, где б ни был, все дома:
Я на Родине – отчей земле.

Вперед рванусь, назад вернусь,
Здесь дневка, там ночевка.
На месте, стало быть, топчусь,
Живу на «остановке»

Другим зеленый путь открыт,
Ясна у них дорога.
Сомненье сердце не теснит,
Любых удач премного.

Видать, что каждый сам в себе,
И путь для всех означен.
Все дело, собственно, в судьбе.
В судьбе – и не иначе!

Простор космической России
Тебя в полон берет в тайге,
Где Арантуры мощно сини,
Сосна и в стынь, и в зной в платке.

Держава лета не чужая
Химеры гонит из башки.

Нет в дебрях чьей-то хаты с краю —
Живет избушка по-людски.

Подвластна своему закону
С начала до конца миров.
Средь комариного стозвону
В ней вещий дар певца здоров.

Заветной родиной настигнут,
Не чин и не лауреат,
Уже не может в жизни сникнуть,
Ее вселенской буре рад.

Пропал и след возни мышинной,
И странных игр, и лживых труб.
На зауральскую равнину
Привет листом слетает с губ.

Осень

Осень чувствует,
Как белых зайцев
Перегоняет
На новые пастбища зима,
Как идет она с Севера,
Прикосновением пальцев
Замораживая лужи и дома.

Надо мною время
Пролетает на самолете,
Вспоминаю
Военного детства лед.
Осень долго
Леса молотит —
Пока последний лист
Не падет.

В поле
Пасу я колхозное стадо
И греюсь
У зажженного мною костра,
Наблюдая,
Как красных птиц выпустить радо
Высокое пламя
Из своего куста.

Игольчатая дрожь сосновых крон,
Дубы руками обнимают небо.
И резкий однословный крик ворон,
И ворон надо мной, кричащий гневно.

Из-за деревьев белозубый смех
Скользит навстречу молодому на лыжах.
И палки веслами уходят в снег,
Смех по молочной глади – ближе, ближе.

И поездов электроголоса,
Березок парафиновые свечи.
На лица спорта выпала роса,
И задымились, накалившись, плечи.

На огненные щеки понесло
Снежинки – чисто,
звездно

и несметно...

Как смотрит благодарно и светло
С полета лыжного открытая планета!

Людмила Ветрова
*Родилась в Казахстане.
Окончила пединститут. Работает
учителем литературы. Автор
сборника «Ведьмин круг». Член
Союза писателей России.*

Старый тополь похож на
бомжа,
Что валялся на рваной
подушке.
Вот он встал, виновато дрожа,
Весь в пуху, от корней до
макушки.

Я давно уже знаю его
И привыкла к нему, как к болезни.
Не изменится здесь ничего,
Даже если он завтра исчезнет...

Как-то мы по привычке живем.
Консервируя свежую память,
Фотографии клеим в альбом,
Где уже ни отнять, ни прибавить.

Я, наверно, тогда и умру,
Когда станет однажды не жаль мне,
Что живая листва на ветру
Стала просто обоями в спальне.

Мимо окон, как мимо икон,
Прохожу в полутьме я.
Узнаю свой навязчивый сон —
И от страха немею.

В темно-сером и длинном пальто
Он стоит у порога.
Этот сон, как далекий Никто,
Отлученный от Бога.

До утра он служить будет мне,
Искушать и лукавить.
Отлученным от Бога вдвойне
Легче душами править.

Мимо окон, как мимо икон,
(Или кажется мне)
Я прошла – и развеялся сон.
И ребенок в окне.

Ты был вчера весьма неосторожен,
Мне сердце разорвав насмешкой грубой
В угоду той толпе розовогубой.
Палач, как это на тебя похоже.

Ты посмеялся надо мной. И что же?
Рябит толпа улыбками пустыми.
На ложе дня ты бросил мое имя.
Паяц, как это на тебя похоже.

Ты говорил так пламенно. И все же
От слов твоих повеяло зимою.
Чего ты ждал? Зачем ты так со мною?
Глупец, как это на тебя похоже.

Ты знаешь правду. И тебе дороже
И слов монах, и слез, и укоризны
Лишь истина-изнанка нашей жизни.
Мудрец, как это на тебя похоже.

Я сегодня не буду скучать.
Сколько можно в себе разбираться.
Я пойду по аллеям гулять.
Приходи ко мне, дождь, целоваться.

Ты хмельной? Приходи все равно.
Сколько раз я ждала и прощала.
И тебя понимаю давно.
Ты прости, что так долго молчала.

Приходи ко мне, дождь, приходи,
Размывая следы человечьи,
Моего разрешенья не жди
И целуй мои губы и плечи.

Это ты. Я узнала тебя:
Ты опять опоздал на свиданье,
Допивая вино сентября,
Сочинял ты себе оправданье.

Ты меня от обид бережешь?
Я тебе благодарна за это.
Ну, куда же ты пьяный пойдешь?
Оставайся уже до рассвета.

Я тебя не предаю. Слышишь?
Никому не отдам. Крыши
Пусть устанут плакать дождями,
Упадут снега между нами.
Потихоньку пройду в полночь,
Я заставлю звезду вспомнить
О волшебном ее долге.
Мне б успеть загадать только,
Чтобы стужа теплом стала,

Чтобы все же его мало
Было в самый шальной полдень,
Когда будешь со мной. Помни:
Я тебя не предаю, милый.
Я забуду твое «было»,
Унесу за собой в лето.
Мне б успеть загадать это.
(Полетела звезда тише).
Я тебя не предаю. Слышишь?

Живи как знаешь. Бог тебе судья.
Не отводи печально серых глаз.
Моей надежды легкая ладья
Давно исчезла в море умных фраз.

Ну, не сложилось. В чем твоя вина?
Ты мной почти и понят, и забыт.
Моей мечты хрустальная страна
Легко разбилась о семейный быт.

Зато я знаю: слезы – не обман,
Они горьки, а все же лечат душу.
Моей обиды утренний туман
Остался в небе облаком воздушным.

Зато я знаю (ты мне в том помог),
Что мы не зря надеемся, мечтаем.
Моей любви счастливый островок
Прекрасен тем, что вновь необитаем.

Среди семьи, не помня о былом —
Мы за чертой магического круга.
Защищены. И, кажется, живем.
Живем и все.
И мучаем друг друга.

Защищены молитвами родных,
Советами судей и осужденных,
И ликами безмолвными святых,
И криками младенцев нерожденных.

Защищены и спрятаны в себе.
Защищены. Ни встреч и ни разлук.
Покорные испугу и судьбе,
Опомнились — и очертили круг.

Защищены. Зачем? И от чего?
Я в доме подмету, расставлю свечи.
Я буду жить. Хотя бы для того,
Чтобы в свой час уйти по-человечьи.

Я солнечного зайчика хотела бы поймать.
А вы?
Его бы на ладонях подержать. Увы!
Мне муж напоминает о борще опять...
Вы знаете! А я могу почти не спать.

Вы знаете! А я могу всего за грош
с полушкой
Купить себе на ниточке ракушку
И, новой туфлей натерев мозоли,
Могу идти и не хромать от боли.

Могу понять, о чем лепечут птицы.
Еще могу как девочка влюбиться.
Котенок жметя к теплой батарее.
А я вот так согреться не умею...

Зато могу развеять песней грусть.
А захочу – любимому приснюсь.
Могу о чем угодно говорить.
Еще могу...
На кухне борщ варить.

075220-6

Юлия Вингалова

*18 лет. Учится в Уральском
архитектурно-строительном
колледже. Занимается графикой.
Живет в г. Советский.*

Дождь и снег

На улице снег и дождь.
На сердце тоскливо и грустно.
Его любовь – это ложь.
И на сердце совсем пусто.

На улице дождь и снег.
Счастье твое разбито.
Ты слышишь веселый смех.
И капают слезы обиды.

Ты хотела летать в небесах,
Но мешала боязнь высоты.
Ты хотела мечтать о цветах –
Не давали другие мечты.
Ты хотела чуть-чуть погрустить,
Но мешали веселье и смех.
Ты хотела по лужам бродить,
Только выпал на улице снег.
Ты хотела любить лишь его,
Только вдруг появился другой.
Ты хотела всего ничего:
Жить в согласии, в мире с собой.

Никогда

После смерти не жить,
После горя не петь,
После счастья не выть,
Не стонать, не реветь.
Прошлый год не вернуть,
Мертвых не воскресить
И весь жизненный путь
Снова не повторить.
Тучи не разогнать,
Солнце не засветить,
Звезды не сосчитать,
А умрешь – так не жить.

Проснувшись рано утром,
Она не найдет его рядом.
И комнату пустую
Окинет тусклым взглядом.
Лишь на столе листочек
Белеет, как снежинка.
Всего лишь пара строчек
О том, что все – ошибка.
Всего лишь два-три слова
О том, что нет любви.
Он не вернется снова,
Хоть жди его – не жди.

Была весна

Еще одна ночь без сна.
Дрожит в руке сигарета.
А помнишь – была весна.
Теперь далеко она где-то.
Плеснешь из бутылки вина

И пепел стряхнешь с сигареты.
Забудь, не твоя в том вина,
Что не дотянули до лета.
Забудь, ничего не вернешь.
Теперь далеко она где-то.
Ты молча вино допьешь.
Закуришь опять сигарету.

Не всегда

Не всегда удастся то, что хотелось.
Не всегда в твоём сердце храбрость и смелость.
Не всегда умираем мы стариками.
Не всегда ты загладишь вину словами.
Не всегда только счастье и только беда.
И поступки твои поймут не всегда.
Не всегда ведь на небе много туч.
И скоро увидишь солнечный луч.

Короткое счастье

Он. Она.
Ночь. Луна.
Цветы. Любовь.
Слезы вновь.
Ночь. Луна.
Ты одна.
Окно. Карниз.
Ветер. Вниз...

Поля

Так хочется порой сорваться с места
И убежать, и вырваться на волю.
Бежать в леса, где все так неизвестно,
А может быть, в луга, а лучше в поле.

Куда-нибудь подальше убежать,
Чтобы не слышно было злых речей.
И аромат цветов полей вдыхать,
И слушать, как журчит ручей.
Не знать, что происходит средь людей,
Не знать, кого, когда и где убьют.
И слушать звуки нежные полей,
Как птицы с лепестков росинки пьют.

Владимир Волковец

Родился в Удмуртии. Окончил Литературный институт им. А.М.Горького. Член Союза писателей РФ.

Под знаком Рыбы в год Змеи,
За десять дней до смерти
Сталина,
Отца из лагерной зимы
Окликнул я и смолк подавленно —
Мать грудью мне заткнула рот...
За августом с дождями долгими
Он по амнистии придет
И обожжет глазами горькими.
Вобьет под притолоку гвоздь,
Повесит колыбель плетеную
И раскачает между звезд
Мою планету полусонную.
Где странствовал? Куда взлетал
И падал в бездны неизвестные?
Но бас отцовский возвращал
Всегда в родное равновесие...
Но годы не могли избыть
В глазах его угрюмой горести.
Однажды перетерлась нить.
И я сполна хлебнул бездомности.
Да, что я разумел, пацан,
Когда среди застолья тесного
Он запускал в окно стакан
И начиналось сумасшествие...
Мрачнела даль от воронья,
Друзья глаза лихие прятали
И кочевала жизнь моя
Из рук отцовых в руки матери...

Как независимо и прямо,
Подчеркнуто неуязвимо,
Проходит женщина утрами,
Меня не замечая, мимо.
Хранит замшелую обиду:
За что? - не объяснит, наверно.
Но, погоди, навстречу выйду
И поздороваюсь душевно,
Чтоб не испытывать утрами
Вины уже не объяснимой...
Но женщина идет, упрямо
Меня не замечая, мимо.

С утра теплынь, а к вечеру
Метель сгустила тьму.
И радоваться нечему,
И плакать ни к чему.
На смуту непогодную
Глядишь с надеждой сквозь
Рассаду огородную —
Не вымерзнет авось.
И если ветер колющий
Не причинит вреда,
То будут в зиму овощи,
И фигу, если да.
И начисто потеряны
Дни вешнего труда...
Жизнь без борьбы на Севере
Теряет смысл тогда.

Середина мая. Снег.
Не черемуховый, нет —
Тот же, надоевший,

Шапкой над скворешней.

Снег немного погода
Станет лепетом дождя –
Брызги над порогом
С воробьиным скоком.

Не застанет долго ждать,
Выйдет солнце – благодать!
Радуга в полнеба –
Ни дождя, ни снега.

А теперь и мой черед.
В мае дел неупорот.
Кто же проворонит
День,
 что год прокормит?!

Буреломы – уголья ведьмины
С мешковатой зыбью болот,
Короедами пни изъедены
До структуры пчелиных сот.
Их медведь разворочал лапами,
Рыскал, чем поживиться бы.
А коряги клешнями крабьими
Подгребают к себе грибы.
И когда, обходя валежины,
Заглянул под одну из них,
Подавляя восторг, разнеженно
На колени упал грибник.

От пыли ромашки ослепли
И запах укропа исчез.
Коленчато-бледные стебли

Картошки не вынесли вес
Недельного зноя – ослабли.

И ягоды сохнут, не вызрев,
И ждут проливного грибы,
И «скорая» мчится на вызов
Мучительной боли в груди –
И сумрак в подъезде анисов.

Осадком железа в стакане
Задымленно-долгий закат.
Вздохнешь о своем, а дыханье
Вернется циклоном назад,
Изнанкой немого страданья.

Игорь Герасимов

Родился в 1961 году в Белоруссии. Автор сборника «Печальные ангелы». Живет и работает в Югорске.

Утопаю в листе золотой,
Воскресаю с удвоенной силой.
Помню, жил, ожидая, - мечтой,
Что любовью меня окружила.

Оттого не хочу, не ишу,
Есть ведь вещи дороже покоя:
Шумный мир, о котором грущу,
Тихий вечер в цветущих левкоях.

Хорошо ничего не желать,
Не испытывать страха и горя,
На пушистой траве возлежать
И в небесное палиться море.

Минус год, минус два, минус – я...
Испарилась росинка печали –
Не иссякнут ручьи жития,
Не заплачут небесные дали.

Вот мой вздох – мой последний глоток,
Вот моя потаенная вера.
Я – всего лишь опавший листок
На аллее тенистого сквера.

Надеждой опьянен восторг,
Слезой земля орошена:
Идет неравноценный торг –

С бедой меняется вина.

Остывшая смирилась плоть,
Бредет от жизни не спеша,
Несет оплеванный ломоть –
А он и есть моя душа!

Позолочена аллея,
Почернели тополя.
В апельсиновой ливрее
На задворках спят поля.

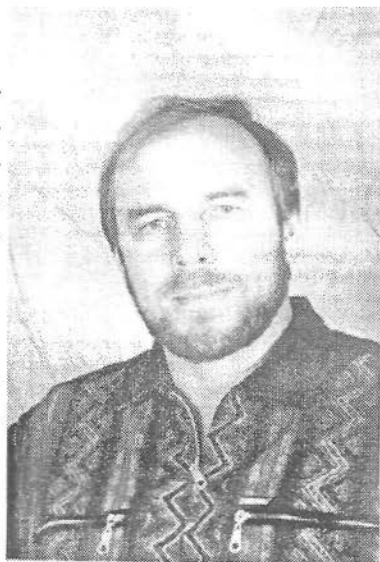
Погоняет время тройкой,
Залихватски-удалой,
Лишь попискивают сойки
В перелесках над рекой;

В разукрашенной карете,
Как невеста, - с ветерком, -
Едет осень, машет лету
Померанцевым платком.

Анатолий Казанцев

Родился в 1956 году в Омской области. Окончил Ишимский государственный педагогический институт. С 1980 года живет и работает в п. Пионерский.

Видно, в том заключается суть
И характер души бунтующей –
Ликовать, когда ветер в грудь
Дует – бешеный, атакующий.

Когда он, ослепляя, бьет
По лицу, по ногам, по корпусу.
Не вилять и идти вперед,
Путь сверяя по сердцу- компасу.

Падать – с песней вставать с колен
Под ударами хлесткими, меткими.
Мощный натиск крутых перемен
Понимать всеми нервными клетками.

Сильный ветер в твоей судьбе –
Как награда – не наказание:
В мире яростном он в тебе
Открывает второе дыхание.

Посередине жизненной дороги
Завал из хлама сделали что надо.
Раздвоенный, воюет мир жестокий,
А ты стоишь на гребне баррикады,

Охваченный тревогой и ознобом,
О дружбе похороненной скорбя.
И с двух сторон заряды жгучей злобы
С жужжанием проходят сквозь тебя.

Найти бы мне хорошего врага –
Не интригана и не лицедея.
Не торгаша, не хама, не лакея,
Не ябедника, не клеветника.

Чтоб был он в слове твердым, как скала,
До безрассудства дерзким, и при этом
Умел стоять под дулом пистолета,
И в спину не стрелял из-за угла.

Чтоб, если вдруг не станет дорога
Мне жизнь моя, ему – без проволоочки –
Доверить мог на ней поставить точку –
Рукой надежной – чтоб наверняка.

Мирозданье дышит холодом космическим.
В фиолетовой ночи – сквозняки.
Вдоль дороги – от бессонницы хронической
Под глазами фонарей синяки.

В эту пору жутковатую встретиться
Я с любой живой душой был бы рад.
Но блуждает по безлюдной гололедице
В тщетных поисках потерянный взгляд.

Я не верю в то, что жизнь нас коверкает,-
Сами мы свою коверкаем жизнь.
Были заняты обидами мелкими –
И поэтому пути разошлись.

И слова свои, и совесть я взвешивал.
Оттого легли на сердце рубцы,
Что его, порою гневное, сдерживал,
Как горячего коня под уздцы.

Но однажды оступился – нечаянно,
Глупо, выпустил поводья – и вот
Сердце вынесло меня на окраину –
На холодный, на ночной гололед.

За последним фонарем тьма крошечная.
Ах, куда же я забрел налегке?!
Фиолетовый тупик, поле снежное,
.....Я один..... – на сквозняке.

Душа – как покинутый дом:
И мрачно, и дико, и глухо.
И ты сам себе незнаком
В таком состоянии духа.

Нередко случается так,
Когда обретает значение
Какой-нибудь сущий пустяк,
По праву достойный презренья.

Но выдумав массу проблем,
Без устали, неумоимо
Себя убиваешь зачем
Ты ядом табачного дыма?

Для нужной борьбы с пустяком
Используй надежное средство:
Как с лапкана пепел шелчком,
Смахни его с глупого сердца
Забористым, крепким словом.

Не люблю политических споров:
В них язык мы, как бритву, острым,
Разругаться способны в которых
По-русски, по-нашему – в дым.

Вроде тешим себя разговором
Неопасным для жизни, пустым,
Но в семнадцатом выстрел «Авроры»
Тоже, помнится, был холостым.

Чудовища древние – подлость и ложь,
Жестокие, грубые силы.
Бросает тебя от презрения в дрожь,
Как между Харибдой и Сциллой.

Пусть сердце болит от полученных ран –
Ушибов, уколов, укусов.
Взволнованной жизни кипит океан,
И совесть – твой лоцман и твой капитан –
Ведет тебя заданным курсом.

Довелось повстречаться в пути
Мне с костлявой старухой до срока,
Рядом с ней осторожно пройти,
Сталь косы ее взглядом потрогать,

На лицо ее мельком взглянуть
С нехорошим, больным любопытством,
Ни на капельку, ни на чуть-чуть
Не увидеть в ней здравого смысла,

Ощутить, как пронзают висок
Боль и ужас – а вдруг меня срежет!-

Как же тонок судьбы волосок,
За который я к жизни подвешен.

Как душе моей нужный накал
Сохранять помогают незримо
Слово друга, ухмылка врага
И горячее сердце любимой.

Повстречаться со смертью всерьез,
Уступить ей скорее дорогу,
Облегченно вздохнуть: Обошлось.
Пронесло. Повезло. Слава Богу!

У окна приютилась рябина под зонтиком рыжим.
Лист на мокром стекле – в позолоченном панцире жук.
Дождь – маэстро играет на шиферных клавишах крыши,
Протянув свои тонкие пальцы из облачных рук.

За неплотно закрытою дверью раздольно и густо
Льется с желоба в жесть неумолчная песня воды.
И под этот концерт обостряются мысли и чувства
И ясней настоящего времени вижу черты.

Все в осенней природе меняет характер и внешность.
То, что пышно цвело, на глазах превращается в тлен.
Но наивное сердце не может принять неизбежность
И живет ожиданием добрых больших перемен.

Сердце любит по-прежнему, к ближнему не охладело,
Зла в себе не имеет и старых не помнит обид,
На крутом вираже, на ухабах судьбы уцелело
И способно смеяться до колик и плакать навзрыд.

Познавая реальность работает сердце толково:
Собирает вокруг золотые крупинки добра,

Промывает их кровью – и теплое верное слово,
Словно уголь шахтер, с глубины выдает на-гора.

Для него очень важно, чтоб струны душевного лада
Не расстроены были случайно в слепой суете.
Стрелки ходят по кругу, держась на оси циферблата,
И бывает, порой оставляют порезы в судьбе.

Раны время врачует: является все преходящим.
Даже вот и теперь из-за плотных, казалось бы, туч,
Как благая, приятная весть – долгожданный, бодрящий,
Несмотря ни на что пробивается солнечный луч.

Вот уже вдалеке ленту радуги туча полощет
И с умытых небес льется в душу мою благодать.
И отчетливо вдруг понимаю, что нет того проще,
Чем надеяться, верить, любить и терпеть, и прощать.

Что на свете всегда существует неброское счастье,
О котором доподлинно знают поэт и дитя,
Что в осенней природе сегодня совсем не ненастье,
А обычные, в общем, гастроли маэстро- дождя.

Татьяна
Кондратьева

Родилась на Урале. Окончила педагогический институт. Пишет стихи и рассказы. Работает городской газете «Югорский вестник». Живет в Югорске.

АЛТАЙСКИЙ ЦИКЛ

В горах

Воздух пропах полынью,
Дремлет сосновый бор
И наливаются синью
Темные склоны гор.

Вьется змеей дорога,
Травы стеной стоят,
Хочется мне потрогать
Их ароматный ряд.

Тянет из леса прелью...
Кажется – здесь вот, здесь,
Прямо за этой елью
Алый цветочек есть...

В Шемонаихе

Жар духмяный, звон кузнечиков –
Насладись, душа, сполна!
Выйду в степь, а там навстречу мне
Льет полынная волна.

Над водой струится марево –
До Убы рукой подать.

Где тальник грустит опаловый,
Побежим мы загорать.

Плеск и смех, и дробь окатышей,
Блеск неспешных вод реки
И волшебный запах ландышей
Моя память, сбереги!

Иртыш

Седой, суровый, мудрый,
Храня благую тишь,
Взвихрив тумана кудри,
Плывет старик Иртыш.

Он на груди широкой
Качает зыбь времен.
Красоткой волоокой,
Как в юности, пленен.

Своей струей холодной,
От страсти задрожав,
Коснулся туфель модных,
К ее ногам упав.

И мощь его вполсилы
Ладонской умирять,
Хохочет шаловливо
Счастливое дитя.

На Убе

Брызгами кузнечики
Из-под ног
Тишина извечная
Вдоль дорог.

Заросли черемухи

У воды.
Вечером нальем ухи,
Посидим.

Искры разлетаются
От костра.
И беседа тянется
Не быстра.

Звезды разгораются,
Ночь близка.
Волны разбиваются
У песка,

Шелесты и шорохи –
Вперебой.
Огненные сполохи
Над Убой.

И Дорога Млечная
Вся видна.
Здесь царит извечная
Тишина...

октябрь 1999 г.

Дмитрий Корякин

Родился в 1974 году в Свердловской области. Окончил медицинское училище г. Красноуфимске. Работает фельдшером на скорой помощи в г. Югорске.

После смерти моей тревожные
Времена превратятся
в смирные.
И вопросы, что были сложными,
Станут дальними и наивными.

А пока на земле безрадостно,
Ветры сучья глодают черные.
Воронье кружит в небе пасмурном.
Месяц, тени волков точение.

И горят рубином осиновым
Колдовские леса бессонные.
Наливается нечисть силою
И в снегах цветут травы сорные.

Не узнать мне при жизни суетной,
Где истоки тех рек безвременных,
Не увидеть как тают сумерки
Над великой державой северной...

Мы в лекционном зале перламутровом
Со сном боролись тысячи часов.
Сентябрь в окно стучал и воздух утренний
Ломился в дверь, срывал с нее засов.

И девушки, прозрачнее бесцветного,
Прекрасной стайкой пели вокруг нас.

Сокровища им посулив несметные,
Мы дожидались милых в поздний час.

Романы мимолетные трехдневные,
Венцом которых ночь стремилась быть,
И утренние семинары нервные
С вопросом вечным «Надо ль было пить?»

О, годы! Как костры на зимних улицах:
Один погас, за ним, глядишь, другой...
Из тысячи желаний вряд ли сбудется
Хотя б одно – запомнить голос твой...

Мне снился монастырь...
Тот грозный страж ромашковых полей
Со скрипом двери черные раскрыв
Впускает в стены птиц, зверей, людей...
Мой солнечный июнь зеленых трав!
И сна клубок распутается вновь...
Хранит нас с ней величественный страж
И летом разбавляет нашу кровь.

Полуденная тень монастыря,
В ромашках утонувшая, лежит.
Из окон темных вновь зовет меня –
Она, которой в явь не дорожил...

О, сны! Как вы тревожите меня!
Я – в вашей власти.

Немощен и нем.

И желтым пламенем осеннего огня
Касаюсь темных и прохладных стен.

Я вспомнил майские дожди,
Неудержимые как птицы.
Костер невиданной любви,
Рожденный вспышкой зарницы...

И мне вдруг стало так легко.
И я отбросил все тревоги,
Когда увидел как в окно
Стучатся пыльные дороги...

День впереди –
долгий, пасмурный.
Сердце в груди
бьет с опаскою.
Солнце
небрежно встает над городом.
От весны по утрам
тянет могильным холодом.
Зимние ночи
в далекой короткой памяти.
Хочется очень
воздвигнуть зиме памятник.
Чтоб стоял он гордо,
в зеленой листве льдом дыша,
Чтобы бились о лед
все спешащие с майского шабаша.
Вот и ветер становится
мягче, чувственней.
Все на свете вряд ли стоит весенних дней.
Но все знакомо
как киноленты повтор.
И в разгар весны белое войско
уже спускается с северных гор.

Перевод с французского

Рыдания скрипок бесконечны...
Так осень сердце мое ранит
своей всегдашнею истомой.

Все задыхается, бледнеет,
когда зов времени набатом
теченье века замедляет.

Зачем я снова вспоминаю
минувших дней былую легкость?
И слезы падают в бокал мой...

И ветер силою небрежной
меня подхватит и закружит,
и спрячет, листьями засыпав...

Луна неспешною походкой
в ночи брела.
И дождь хлестал прохладной плеткой
по зеркалам...

Дворцов распахнутые окна
смотрели вслед,
и был из звездных капель соткан
их бледный свет...

Не дадут покоя мне, не дадут.
Все стучат то в палисадник, то в дверь.
Украдут ее, вот-вот украдут,
Мою спутницу безмолвных ночей.

Не спасти мне мой огонь, не спасти.

То ветрами, то дождем его бьют.
Украдут ее, свисти – не свисти,
И поселят в очень дальнем краю.

Затуманят окна мне синевой
И насыплют самоцветных камней.
А в карете с ней кто-то другой
Будет мчаться, позабыв ночь и день.

И, когда я отойду ото сна –
То ли пепел в груди, то ли лед...
И только осень, только осень одна
Дом мой тихо кругом обойдет.

Олеся Любушкина

*Родилась в Советском. Учит-
ся в Санкт-Петербургском универси-
тете путей сообщения. Стихи пи-
шет с раннего детства.*

Ты знаешь, здесь не видно звезд.
Здесь вместо звезд огни рекламы.
И рассказать не хватит слез
Как плохо без тебя, без мамы...

Я здесь одна. Здесь все одни.
Здесь бродят толпы одиноких,
Гонимые бегут они
И гибнут в омутах глубоких.

А иногда тоска свинцом,
В коленях дрожь и в горле ком.
Хочу в Советский! Мама... Дом...
Хочу уснуть спокойным сном!

И просыпаться не от плача,
Глотая в горле ком обиды...
Ты знаешь, я смотрю на небо,
Но здесь, здесь даже звезд не видно.

Чем крепче нервы, тем ближе цель.
К скулящему нет сочувствия.
Боль растворилась, как карамель.
Я счастье свое предчувствую.
Я буду сильной, я так хочу,
Я с безнадежностью прощусь.
А больно будет – не закричу.
А страшно станет – перекрещусь.

Я стану

Я стану солнечным лучом
И проявлю свою заботу:
Тебя будить своим теплом,
Чтоб не проспал ты на работу.

Я стану южным ветерком
И волосы твои взъерошу,
Развею грусть, прижмусь щекой
И побегу, скользя порошей.

Я стану ласковым птенцом
И по утрам стучать в окошко,
Горланить песни над крыльцом,
Дразнить твоих щенка и кошку.

И звездочкой на небе синем
Я стану, чтоб тебе мерцать.
Сорвусь, сгорю, чтоб ты, любимый,
Успел желанье загадать.

Александр Мочалов

*Родился в 1961 году. На
Севере живет 16 лет. Работает
мастером по холодильным
установкам в п. Малиновский.*

Отдыхает земля, копит силы
для будущей вспашки.
Отдыхает земля, спят под
снегом луга и поля.
И наверно ей снится, как
пчелы спешат на ромашки,
И рассветные росы,
и звонкая песнь соловья.

Отдыхает земля, охраняют ее снегопады,
Не тревожат ее, не взрывают, не топчут, не мнут.
Отдыхает земля и не нужно ей лучшей награды
За ее каждодневный, безропотный, каторжный труд.

Не смейте говорить со зла:
«Слабак, ты выпал из седла –
Тебе такая участь!»
А мы живем во славу дней,
Но не пускаем в пляс коней,
И будем жить, пусть мучась.

Не стыдно мысль в душе скрывать,
К чему напрасно рисковать
И становиться жертвой.
К чему быть первым и пропасть,
Не насладившись жизнью властью,
Героем стать посмертно.

Пусть не герой. да, не герой.
Есть в жизни роль, такая роль –
Массовка.

Не каждого из нас порой
Толпа из гущи в первый строй
Выталкивает ловко.

Кто не готов вести борьбу,
То вся надежда на судьбу
И на везенье.

Толпа ревет, по их вине
Сегодня крайний на коне.
Все ждут его паденья.

Ты выбран был, ты сделал шаг,
Теперь смотри, не оплошай –
Затопчут.

Сожми узду в своих руках,
В себе перебори свой страх
И стань любимцем общим.

А если слабость твой порок,
То будет рок с тобой жесток,
Покажет твою суть.

Удача встанет на дыбы
И под копытами судьбы
Закончишь путь.

И будешь всеми ты забыт,
А кто-то станет знаменит.
Другой, сменив коня,
И если повезет чуть-чуть
Он собственный проложит путь,
Собой всех заслоня.

Хоть со старых времен родовые колена
Почитались – без сына кончается род.
Только время бежит и несет перемены
И меняются мнения наоборот.

Что мальчишки – беда, разлетятся по свету,
Да боишься за них, что-нибудь натворят,
Непослушны и что им до взрослых советов.
Вот девчонки – помощницы, дома сидят.

Да и ласковой все же, приблизится старость,
Не оставят в беде, пожалеют всегда
Нашу жизненную усталость,
Наши прожитые года.

Первой дочку хотят современные семьи,
Ну, а дальше как выйдет, пусть хоть все сыновья.
Век двадцатый – век женщин, капризам их внемлем.
Жаль, становится редкой большая семья.

Да не все ли равно, будет сын или дочка,
Лишь бы жил человек, ведь детьми мы сильны.
Хоть упрямы мужчины – только сына и точка,
Но без женщин откуда ж возьмутся сыны.

Николай Николаев

Родился в Чувашии 55 лет назад. Писал музыку и песни на стихи местных авторов. Работал учителем музыки. Жил в п. Малиновский.

Осенний романс

Остановись, мгновенье...
Осень дает пышный бал.
И трубный голос олений
К речке лесной всех созвал.
Все собрались: звери, птицы,
Славят красавицу-осень.
Журавлиный клик вереницы
Уносит безбрежная просинь.
Клены с резными листьями,
Семейки грибов стоят.
Склонились березки в поклоне
Пред дубом, лесным великаном,
У ели в пушистой кроне
Смолистые шишки нарядом.
Ветер-маэстро играет
На арфе из струн камыша,
Листья свернувшись, внимают
И подпевают, шурша.
Звуки приглушенно льются,
Сурдинкой туман над рекой...
Когда вновь услышать придется
Дивный романс лесной?

Экипажу «Курска» посвящается....
Как тараном, удар в нос подлодки,
Три отсека затоплены враз.
Мы вручную сдвигали решетки,
Чтобы атомный пламень погас.
Ну, а дальше, ведь знали что будет,
Чтоб пробить стометровую бронь...
Вряд ли скоро к нам помощь прибудет,
Рок судьбы отбивает ладонь:
SOS, вода, SOS, вода подступает...
Дайте воздуха! Хоть бы глоток!
Крейсер «Курск», как герой погибает.
Экипаж сделал все, что он мог.
Вы простите нас жены и сестры,
Мамы, дети, невесты, отцы.
Боль утраты всегда будет острой.
Только в воду не прячьте концы!
Вы Андреевский флаг приспустите,
Мы верны ему были всегда.
За упокой молитву прочтите,
А свечой – над волнами звезда.
SOS, вода, SOS, вода подступает...
Дайте воздуха! Хоть бы глоток...
Только чудо так редко бывает,
Этот крест наш – России всей рок!

Дмитрий Ольховой

Родился в 1981 году. Окончил среднюю школу в г.Югорске. Учится на пятом курсе Уральской юридической академии.

Так странно жизнь распорядилась,
И мы, навек разделены,
Вдруг в состоянии войны
С тобой как будто очутились.

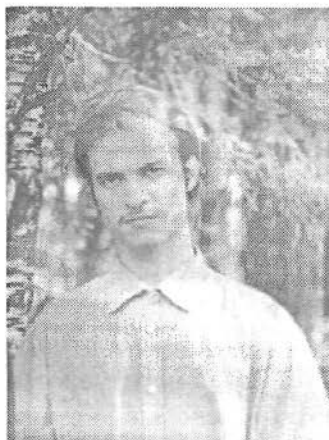
Над нами подняты знамена
Держав, враждебных навсегда,
И будет долгие года
Мир лишь мечтою отдаленной.

Нам встречи нет: нас победили
Чужая ненависть и боль.
Мы подчинили свою роль
Какой-то непонятной силе.

Наш разум болен и застыли
Окаменевшие сердца.
И даже милого лица
Не узнаю в огне и пыли.

16 апреля 98 г.

Огонь кровавый пожирает
Руины древних городов.
Тенистых нет уже садов,
Ручей печальный издыхает.
Здесь все разбито и мертво:
Труд сотен лет, тысячелетий

Развееет пеплом жаркий ветер.
Приходит смерти торжество.

Когда-то здесь, еще ребенком,
Дивился чудной красоте...
Все прахом... Времена не те:
Брожу по пеплу и обломкам.
За что? Кто мог свершить такое –
Разрушить чудо из чудес?...
...Вдали тысячелетний лес
Наполнен царственным покоем.
Многовековые деревья
Хранят заветы старины,
Но след кровавой, злой войны
Оставлен здесь людской рукою:
Дубы повалены, разбиты,
И кожа сорвана с берез.
Но я не вижу здесь ни слез,
Ни горя, никакой обиды –
Лес жив и в памяти хранит
Свое задетое величье...
И примет новое обличье
Тот город, что в руинах спит.
Забыты имена врагов,
О красоте ж воспоминанье
Согреет рук людских создание,
Как лес – природная любовь.

11 мая 98 г.

Сизиф

Подъем тяжел, скалист и крут.
Проклятый камень давит руки...
И ты, согнувшись от натуги,
Влечешь вперед свой тяжкий груз.
И от подножья до вершины

Ни повернуть, ни отдохнуть.
И только вверх направит путь
Твоя железная решимость.

Еще, еще! Вершина вон!
Путь к ней – отрезок уж ничтожный –
Такой обманчивый и ложный...
Еще рывок, последний стон...
Нет! Глыба, верная наказам
Богов, срывается опять.
И обречен ты повторять
Одно и то же раз за разом.

Вот так и я: клубок страстей
Поднять пытаюсь силой воли,
Но то ли мало силы, то ли
Я не у тех стою путей...
И как тот камень непокорный,
Бес рвется прочь из цепких рук.
И повторяю, как паук,
Труд утомительный и скорбный.
5 сентября 99г.

За то, что не любил когда-то я детей
И верных подданных своих бросал в темницы,
Всевышний повелел распорядиться,
Что был я одинок среди людей.

И чтоб наивная душа побереглась
Смотреть в глаза мои, холодные и злые,
И, словно чувствуя грехи мои былые,
Бежала прочь, почуя мою страсть.

А чтобы не попала в руки власть,
Был обделен решимостью и силой

И осужден в телесной форме хилой
Покорные поклоны сильным класть.

И время шло. Мой похотливый нрав
И грубость прочь любимых моих гнали.
Бичи на теле шрамы оставляли,
Не разобрав, виновен или прав.

Но, болью и тоской помутнена,
Душа уже не пряталась от битвы
И – странно! – за обидчиков молитвы
Шептала еле слышные она.

И в день, когда у тела моего
Стоял палач, к удару приготовясь,
Послышался вдруг звонкий детский голос:
«Пожалуйста, не трогайте его!»

13 января 2000 г.

Раиса Перевалова

Родилась на Оби, в поселке Шеркалы. Живет и работает в Югорске.

На родине
так дышится легко.
Дыханье чабреца,
ромашки с мятой.
И облака над нами высоко
По небу синему
летят куда-то.
Сосновый лес
ветвями шевелит.
Смолою пахнет,
ягодой, грибами.
И мелкий дождик
нежно моросит.
Места родные!
Я сегодня с вами!

Марина Русская

Родилась на Урале. Окончила Тюменский инженерно-строительный институт. Живет и работает в Югорске.

Ночь тиха, пропитана осокою,
Грустно нынче даже соловью.
Я души измученной не трогаю
И веселых песен не пою.

Осторожно, от себя украдкою,
Твой ищу давно пропавший след.
И целую со слезою сладкою,
С бирюзой подаренный браслет.

Обращаюсь в немоте нечаянной:
«Загляни ко мне ты погостить,
Чтобы не таить обид отчаянных,
Все забыть. А значит и простить...»

Вспоминаю давнее, но близкое,
Дорогое в сутолоке дней.
И слова, мне брошенные искрами,
Нет которых для меня больней:

«Не гляди ты мне во след с тревогою,
Веры и надежды больше нет...»
Безутешно по земле глубокая
Осень разлила туманный свет...

Не снимая кольца с безымянного пальца,
Позабыв все дороги кроме одной,
Ты, слывущий отчаянно грешным скитальцем,

Возникаешь в ночи, потерявшей покой.

Ты не словом, а взглядом судьбу растревожишь.

Жадно хочешь и все ж не находишь ответ.

И не можешь уйти, и остаться не можешь.

Но кричат петухи. Значит выбора нет.

Летела бабочка белехонька-бела.

В росу неслышно крылышки макала.

И были два воздушные крыла

Симметрией тончайшего лекала.

Блаженная стояла тишина,

Припудренная запахами леса.

Нам именно она была нужна

И над водой туманная завеса.

На горизонте облачный корсет.

Я сердце только милому открою.

И понимая вечный мой секрет,

Сияла бабочка над озером звездой.

Александр Смирнов

Родился в 1959 году в Нижегородской глубинке. В г. Советском живет с 1968 года. Окончил Челябинский институт культуры. Работает художником-оформителем.

Немецкая каска второй мировой
Лежит на столе –
реквизит театральный.
А в памяти образ простой и печальный
Любимого деда навек молодой.
Он без вести сгинул в сорок втором,
Кузнец, дед Иван, двадцать семь ему было.
Лишь мама да бабушка помнят о нем.
Но нет похоронки и нету могилы.
Наверно, о внуке он тайно мечтал,
Когда пролетали осенние стаи.
И странно до боли меня он не знал,
Не знал и не ведал, а я его знаю.
Немецкая каска второй мировой
Лежит на столе – реквизит театральный...
В германском краю чей-то правнук иль внук
На дедушку Ганса глядит поминально.

Я по речке плыву ночной
Да на лодочке надувной.
И с волною играет весло.
А в ночи от огней светло.
Слева факел горит зарей,
Справа светят огни буровой.
Боль и страх в душе у меня
От разбойничьего огня.
День за днем, да за годом год
Жаркий факел до неба бьет.
Он не греет людского жилья,

Выжег след лесного зверья.
Буровая на берегу
Оспой смертною землю метит.
В речке холодно чебаку,
Лезет в сети, все лезет в сети.

*Вячеслав Смоленский.
г. Югорск.*

РЫЖИЙ

(Поэма о поэтах)

Ночь. Вокзал. Билетов нет.
Тонет в никотине,
в духоте кафе “Привет”,
как в камине.

Поражён! В глазах рябит...
Подхожу ближе...
Он! В углу, один сидит –
только рыжий.

Те же дерзкие глаза,
кучерявый волос...
Отпускаю тормоза –
подаю голос:

— Александр Сергееч, вы?
— Нет. Я – Толик...
Толик Волков, из Тувы –
трудоголик.

Что, похож? Наверняка...
Вышел рожей, знаю,
быть же в роли двойника
не желаю!

Этим фактом, так сказать,
я себя не грею.

И, увы, стихи писать
не умею.

Вы – не первый... Мне не вновь:
прозвище – не драма...
Лучше выпьем за любовь
к дамам!

Мысль банальна – не беда.
Повинуюсь жесту,
ведь за женщин тост всегда
к месту.

— Пушкин, Пушкин! Тридцать лет...
Честно – надоело!
Пусть... похож, но я поэт
своего дела.

И с любимым готов на спор...
Слышишь?!
Как работает мотор,
как дышит...

Как к утру болят глаза
словно от наркоза,
как вздыхают тормоза,
лесовоза...

Как нашли меня в снегу
на шестые сутки...
Газопровод сквозь тайгу –
не шутки!

Как с пургой ветра шалят –
валят сосны набок,

и мороз под пятьдесят –
не слабо?!

“Эко парня прорвало! —
думал я. — Задело...”
В нём неистовое зло
вдруг вскипело.

Он тяжёлых слов обвал
мне сыпал в охапку,
будто гвозди забивал
по шляпку.

Жизнь не сразу понял, нет,
не с бухты-барахты –
за десяток с лишним лет
вахты.

У кого тонка кишка –
грустных мыслей веер:
пьёт комар и ест мошка –
Север!

Может, думаешь, что враль?
Возрази! Скажи мне:
чем не автомагистраль
Зимник?

Пушкин, Пушкин!.. Петербург
Балтикой простужен...
Ночи белые, мой друг,
тут не хуже!
Здесь рассветная слеза
стынет на берёзах,
звёзды ясны, как глаза, –
проза?

Что Нева? – гранит, да скорбь
о петровском веке...
Эсска, Конда, Сосьва, Обь –
это реки!

Наши скромные труды
жизнь несут в итоге:
от Надыма до Тавды –
дороги.

Их пока на картах нет,
но идём сквозь терны...
В этом смысле я – поэт,
наверно.

Понял? Так и запиши.
Воля – не конвейер:
Пушкин – это для души,
а для сердца – Север!

Ночь ушла. В пустом кафе
жив лишь наш столик.
Мы немножко “подшофе” –
я и Толик.

Держим истину в узле,
радуемся свету.
Хорошо, что на земле
есть поэты!

10 февраля 2000 года.
Югорск.

Сергей Хомутинин

Родился в 1974 году. Окончил среднюю школу в г. Югорске. Работает слесарем КИП и А в Комсомольском ЛПУ.

Бабье лето

Когда солнцем взрываются лужи,
Поневоле глаза – в прищур.
От осколков. Голову вскружит
Подморозивший крылья Амур.

В этот миг, миг слезами очерченный,
Не от мира сего, неземной...
Вдруг объявится бес гуттаперчевый,
Закривляется передо мной.

Сна лишит и измучит соблазном,
И, сколь не притворяйся слепым,
Женщин так удивительно разных
Средь единообразной толпы,

Отличив ослепительной метой,
Как бы зайчиком солнца в зрачки,
Мне, доверчивому поэту,
Словно книги подаст: «Прочти!»

Под тисненою кожей грудей,
Золотым обрезом волос
Есть ли что-то достойное слез,
Обреченная песнь лебедей

Есть ли?

Бес, извиваясь паяцем,
Мне шепнет, от бессилья злой:

«Глупо – снова и снова влюбляться
В эту женщину рядом с тобой».

Сорочий треск, растеребив туман,
Унесся в чащу, зверя насторожив.
А я гляжу, печалью тихой пьян,
Как лиственниц редее рыжий ежик.

Знакомо все, как выцветший букварь:
Зубов продрогших злые кастаньеты
И низкая всклокоченная хмарь
В березовой ажурной сетке веток.

И хочется, хотя б на миг, взаймы
Взять отрешенность этих черных прутьев,
Чтобы смириться с привкусом зимы,
Что с гулками глотками лезет в грудь мне.

Мне предстоит, как в снеговую круговерть,
Уйти в себя на много суток кряду...
И я иду, спиною чуя смерть,
Из чаши, провожаем чьим-то взглядом...

Какие б мы не выбирали темы,
У каждого – свои строка и крест.
Вот только одинаковы проблемы,
Что точат нас, как зубы – кариес.

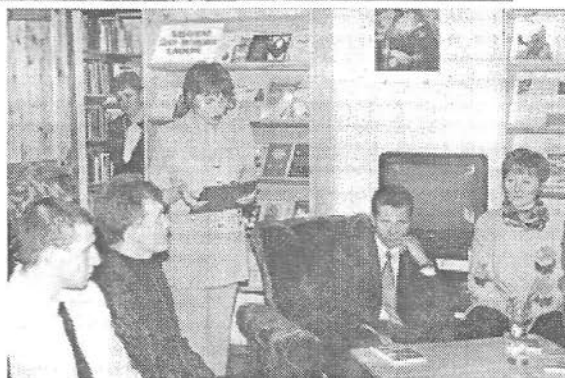
И сколько бы чудесных озарений
Из тьмы тоски не вынес я на свет –
Пусть Гамлет разговаривает с тенью,
А мне нужны друзья и их совет.

Спасибо телефону, расстояние

Встреча с
редакцией
журнала
«Родина».

Презентация
книги
А.Игумнова в
библиотеке
64

Встречи и
выступления
в музее и
библиотеке

Сжимающему в несколько гудков...
Есть друг и у него,
я знал заранее,
Есть несколько простых и нужных слов...

Марш-бросок

Пыль маской из грязного гипса ложится на лица –
Сорок ртов зарабатывают силикоз.
Руки тянутся к фляжке, но страх оступить и сбиться
Нас пугает,
Как смерти подобный наркоз
Безнадежно больного,
Что веря в число операций,
Бритвой плавно скользит по лицу...
Как прохладен бывает дурманный запах акаций
И узорчаты тени на дивизионном плацу...
По-своему верно, суворовский принцип трактуют
Непечатные фразы,
На выдохе злей,
И версту за верстой ошалевшую почву трамбует
Наш казарменный ужас – подковы
У дембелей.
Багровеет закат окосевшим белком капитана.
Там, за пылью, за семь километров от нас
Он под сенью машины сидит,
Непрестанно
Хлещет теплый напиток,
Похожий на квас...
Как кобылий табун, первый взвод, покрываемый матом,
Оставляет в безветрии
Белую взвесь,
И мы, задним умом молодого солдата,
Понимаем что сзади –
Похуже чем здесь...
Верст утоптанно – больше чем лет салажатам.

Продолжает сержант уже три автомата тащить.
И, за удаль души, в его гневных тирадах зажатую,
Я согласен, авансом, одну из затрешин простить...
Вот вдали завиднелись защитные тенты «Уралов»,
Березняк на пригорке, водители жгут костерок.
Полусонное эхо за нами «ура» проорало,
И внезапно стал вязким прожаренный солнцем песок...
Добежали – упали, не в силах промолвить ни слова.
Капитан давно спит.
Храни Бог его мать!
Но неистовы крики стального сержанта Петрова:
«Подымайтесь уроды! Нельзя после бега лежать!»...
И не только в строю жизнь нас потчует маслом прогорклым.
Хоть и мне доводилось сержантскую ношу нести,
Но всегда впереди есть свои березняк и пригорки
На дорогах, которые нам выпадает пройти...

Наваждение

Как сонмы кающихся грешниц
Слезой – так разразиться буре
Зима велит и, еще спешней,
Дворы подвергнуть апретуре.

Пора бы выместь снежным смерчем
Из них осенней грязи залежь –
Уж тополь инеем кудерчат
И утром лужиц лоск засален...

Сквозь мрак зевающих подъездов –
К дверям, ворчливым с недосыпа,
И дальше, дальше шагом трезвым
В рты чавкающих улиц сыпать.

Подальше от людских аквариумов –
Туда, где выпив яд ненастья,

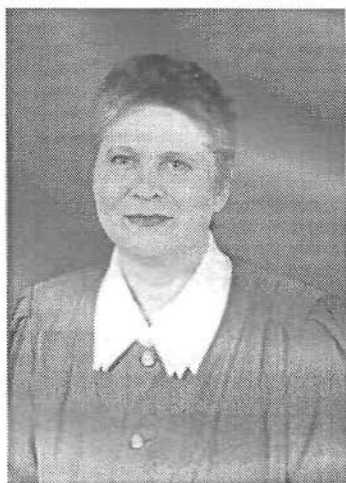
Окраины в горячечной испарине
Хрипят распахнутые настезь.

Мальчишка-ветер, пьяный всклень,
Спешит их хрип переиначивать.
Прохожий, пряча руки в тень,
Блеснет глазами пса бродячего

Пройдя, окликнет наугад,
Почуяв родственную душу,
И, эхом сны небес нарушив,
На мир обрушит снегопад...

Любовь Цонева

Родилась в 1944 году на Украине. В г. Советский живет с 1986 года. Автор сборников «Надрыв души» и «Суровое время».

Дед на печи

Солнышко шлет лучи
Выпить с травинок росы...
Деду бы слезть с печи,
Смазать бы чем расчесы.

Слезть? Где же силы взять?
Вот хорошо бы в баньку...
Только уехал зять
В город. С ним дочь Татьянка.

Вошь, паразитка, ест!
Язвы на дряблой коже.
Деду с печи не слезть.
Где же ты, помощь Божья?!

Дед на печи молчит.
В доме ни крошки хлеба.
Кто-то в окно стучит:
Может, архангел с неба?

Прямо в окошко – тень...
Вдруг это дочь Татьяна?
Нет, не она... Сирень –
Веткой в окно духмяной.

Кажется, дождь бусит?
Теплится лик иконы...

А на гвозде висит
Китель – на нем погоны.

Не связалось, как мечталось.
Как стремилось – не сбылось.
Что шелками вышивалось,
То давно уж порвалось.

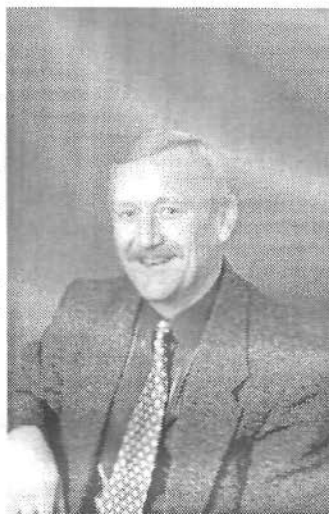
Ну, подумаешь – звездная россыпь!
Даже голову не подниму.
Не нужны мне жемчужные росы.
Я стряхну их и травы примну.
Красотой меня лес не дурманит.
Холод. В листьях – зимы кружева...
Без тебя все цветы на поляне –
Сенокосная просто трава.

Погляди на летящую стаю.
Вместе с птицами я улетаю.
А тебя на земле оставляю.
В нежитье-небытие исчезаю.
В суть не веря: ни ада, ни рая.
Если вновь пролетать будет стая,
С тихой грустью ее провожая,
Помолчи, обо мне вспоминая.

Станислав Юрченко

Родился в г. Кривой Рог. Окончил Хабаровский институт инженеров железнодорожного транспорта. Автор сборников «Причастие», «Листопад», «Переулки забытых свиданий».

Живет и работает в Советском более тридцати лет. Член Союза писателей России.

ЕРМАК

Вольные русские колонисты
были пионерами
в освоении новых земель.
Опережая правительство они обжили
«дикое поле» в Нижнем Поволжье,
на Тереке, на Яике и Дону.
Поход казаков Ермака в Сибирь был прямым
продолжением этого народного движения.

Р.Г.Скрынников

Детство

Пояс каменный.
Горы без края
в дреме сумрачной тысячи лет.
Тихо воды струит Чусовая,
омывая Уральский хребет.
Лес дремучий да скальные срезы,
по распадкам цветущий кипрей,
порыжелые знаки железа
на окаринах.
Диких зверей
хохот.

Крики испуганной птицы.
Пес лохматый в подклети скулит.
И мелькают вязальные спицы
в пальцах матери.
Плошка горит.
Скоро полночь.
Пора бы ложиться:
дом затих, дети дружно сопят.
Безмятежны сыновние лица:
видят сладкие сны, зная.
Не спят
только леший да в омуте черти.
Лики древние с темных икон
смотрят истово.
Искрами чертят
звезды, падая вниз, небосклон.
Плат небесный с востока светлеет,
ветер тронул березы листву:
близко утро.
В окошко синеет
одинокая ель на яру.
Скрипнут двери в холодные сени,
воздух утренний хлынет в проем —
отрок,
бесов сын,
Васька Оленин,
убегает на речку тайком.
И летит по песчаному склону
вниз, к покрытой туманом воде,
мимо скользких причалов затона,
узких стругов,
плотов
и ладей.
Сбросив лапти, бросается в воду,
растревожив зеркальную гладь.
Горький дым соляного завода

застилает глубокую падь.
Эй, Урал, просыпайся скорее,
хватит старый – довольно поспал.
Кроны сосен на скалах алеют.
Солнце всходит.
Костер запылал.
Все забыл: что пора за водою,
что сегодня с рассветом на стан.
Упивался заветной мечтою
быть таким же, как Разин Степан.
Да, какие у парня поминки?
Позабыл, обогретый огнем,
что отец, сняв порты, без заминки
отстегает плетеным ремнем.
Не впервой.
И кого не пороли,
приучая закон уважать,
а потом от обиды и боли
потихоньку в чулане рыдать.
Э, да разве об этом на воле
нужно думать, когда все вокруг
распахнулось цветущим раздольем,
удивительно сказочным вдруг.
Корка хлеба да соли шепотка,
да напойт водой береста.
И летит просмоленая лодка
мимо скал к заповедным местам.
И кричит босоногий мальчишка
от избытка нахлынувших чувств
под высокой лазоревой крышей,
где сам воздух так сладок и густ.
На широком и солнечном соре
ловит рыбу, не зная о том,
что судьба ему выпадет вскоре
стать навечно уже Ермаком.

На Волге

На Бузане – острове заводи да плотбища,
струи быстrokрылые да казачий стан.
У костра веселого говорил товарищам
Ермак Тимофеевич, волжский атаман:
«Гей, вы, други милые, есаулы верные,
не пора ли зорькою собирать майдан,
да по Волге-матушке в море выйти Черное,
гызом взять на сабельку турцкий караван?»
Анофрей Степанович и Самбур Андреевич
слушали внимательно перевязь речей.
И решила вольница: «Любо, Тимофеевич!
Погребем ватагою, потрясем гостей.»
По протоке Ахтубе вышли в море гречское
и, приставши к Матице, ставили дозор.
Видят, незнакомые корабли турецкие
парусами белыми бороздят простор.
Погрузили пушечки в струги остроносые,
огненно ударили, красный взяв товар.
А еще Уразмовну, дочь мурзы раскосого,
девицу-красавицу, атаману в дар.
Но взмолилась девица от печали грустная:
«Не губите, голуби, я вам говорю,
а примите душеньку в веру вашу русскую
и отправьте Волгою к белому царю».
Что же, будь по твоему!
И поплыли весельно,
и приставши к берегу, начинали пир.
Ели, пили сладкое, гулевали весело
и плясал до одури весь крещеный мир.
И в разгуле пьяные подрались с солдатами,
гость-посол Карамышев доложился, тать.
Царь вельми разгневался, называл проклятыми
и послал стрелецкую из столицы рать.
Зря пролили кровушку.

Ну да что поделаешь:
пьяному и буйному – море до колен.
Иногда поблазнится, сам того не ведаешь:
думаешь, что выиграл, ан попался в плен.
Навалились глыбою думы невеселые:
казаки яицкие собирали круг.
И решили ратные: за разбой кровные
перевесят вины их золотник заслуг.
-Господа станишники, думаю то самое:
много будет пушено виселиц рекой.
Так решайте, двинемся всей ватагой Камою
с рухлядью, припасами к славной Чусовой.
Строгановы солью там промышляют, трудятся.
Будем Пермь Великую от татар беречь.
Ну, а кто противные или руки зудятся,
пусть от гнева царского подаются в Сечь.
Только длани царские длинные, ребятушки,
а за Пояс Каменный хаживал ли кто?
Там-то с воеводами поиграем в прятушки,
да леса уральские скроют, если что!
И погладил бороду Анофрей Степанович:
«Прав Ермак, не выстоять супротив царя.
Лучше жизнь веселую начинать, слышь, заново,
чем плясать на петельке, погибая зря».
- Эй, Иван, а ты-то как?
-Я согласный, соколы.
Нам сам черт – не брат, а то, совладать не смог!
Собирай оружие, грузим струги порохом,
да на Камень тронемся, помогай нам Бог!
-Бог, конечно, видит все, только вот поможет ли?
Так что, гуси-лебеди, кончили майдан.
Если есть согласные с нами люди божии,
выдай им оружие и коней, Иван!
Стихло все, закатное солнце тлеет в зареве.
Одинокой нотою где-то волчий вой.
Табуны отправили, похлебали варево

и к расшивам груженным встали бечевой.
Где теперь обложат их вновь полки стрелецкие?
Лишь чернеют уголья да угод кричит.
Понизовье волжское, степи половецкие
исчезали в сумерках, таяли в ночи.

На Иртыше

Серебрит волна песчаный плес,
на ветру качается тальник,
легкий ситец золота берез,
лебединых клиньев трубный крик.
Белые на синем облака
предвешают скорые снега.
И несет великая река
струи атамана Ермака.
По воде плывет опавший лист,
в тишине застыли берега.
Но уже звучит татарский свист,
обещая битву казакам.
Всклипнет воздух от летящих стрел.
Тлеют фитили на фузях.
У подножья города Искар
стонет под копытами земля.
-Стыдно, други, смерти убоясь,
отойти назад.
Да, краше смерть!
Аки пес, дрожит Кучумка-князь,
нам ли, казакам, его жалеть!
От позора войско оборонь
Спас святой, уж лучше в землю лечь!
Грохнули пищали.
Сквозь огонь
завизжала в воздухе картечь.
Кровушкой окрасилась вода.
Пусть святые молятся за нас!

Гей, сарынь на кичку, господа,
погуляем здесь в последний раз!
Разъяренный, словно бес в аду,
рубится с врагом лицом в лицо,
черным клином врезавшись в орду
с сотнею своей Иван Кольцо.
- Не робей, ребята, с нами Бог,
раззудись казацкое плечо!
Отобьем нечистых, дайте срок,
пусть узнают волки, что почем!
Хрипы умирающих
да стон
раненых,
да ржанье лошадей,
дым пороховой, железа звон:
о кольчуги сабель и мечей.
- Ан, все лезут, черт возьми меня!
Саранча, откуда их взялось?
Анофрей Степаныч, дай огня,
чтобы до печенок проняло.
Сколько потеряли казаков!
Мать Христова, души их прими!
Навались Иван на остяков,
к Иртышу нечесаных прижми.
Ты, Самбур, скачи вокруг горы,
в бой не лезь и время не теряй:
обойди их, захвати шатры.
Пусть увидят.
Бог вам помогай!
Дрогнули, попятились враги.
И уходит верхом, бросив чум,
в дебри необъятные тайги
дряхлый и полуслепой Кучум.
Ужасом объаты остяки,
смолк чужой, разноголосый гам.
Расползлись вогульские князьки

по медвежьим падям и углам.
Тихо стало.
Только шепчет бор
да волною плещется река.
Догорает крепости забор:
черный дым столбом под облака.
И печальный тянется обоз,
свечи тают в скрещенных руках.
Поп читает псалтырь.
Воет пес.
Всем усопшим эти берега
домом стали.
Так-то, не скажи,
обживут кресты высокий склон.
Слава всем, кто голову сложил,
не слукавил!
Низкий вам поклон!
Долго думал думу атаман,
а поднявшись молвил: «Запевай!
Пусть услышит песню басурман,
да и нас запомнит этот край.
Иноверцев больше не пужать,
пусть приходят, примем как гостей.
Ну, а тех, что на холме лежат,
помянем по-русски, без затей.
Здесь стоять и быть нам навсегда,
порубежье раздвигая вширь.
Раз уж мы притопали сюда,
нашей будет матушка- Сибирь!»

Гибель

- Навались правый борт на весло!
- Приставай, видишь остров.
- Обидно,
не явились бухарцы, как видно

в верхний правый рукав занесло.
- Здесь сегодня майданить придется,
разгружай мужики караван.
- Ставь уху!
- А, вино-то найдется?
- Да, найдется, не бойся, Степан!
Солнце село, веселые звезды
заблестели в небесной меже.
Чист, прозрачен и холоден воздух.
- Есаул-то, кемарит уже!
- Да и нам спать пора собираться:
зуд в кости – переходы круты.
- Нарубите-ка лапника, братцы,
не простыть бы, туды-растуды.
Как должно, не устроив засеки,
разлеглись на поляне в кустах.
Сон смыкает тяжелые веки,
угли гаснут в бивачных кострах.
А тумана холодные змеи,
извиваясь, струятся на сор.
Тихо лезет орда Едыгея,
сняв беззвучно казачий дозор.
Где-то в чаще проухает филин
и плеснется чуть слышно волна.
Спят казаки устало.
Забьли
обо всем от трудов и вина...

Сон Ермака

Снится атаману Чусовая,
Баранченский волок втапору,
сопки лесом крытые без края,
зимовье у Магницкой горы.
Троицы молебны и молитвы,
в льдинах и шуге Тагил-река,

стойбища вогуличей и битвы
на чужих сибирских берегах.
Сколько дней минуло с той поры,
как легко, одним ударом, гызом
взял улус раскосого Чингиза
на высоком берегу Туры.
В устье же при выходе в Tobол,
обратил князьков татарских в бегство.
А еще приснилось Ваське детство:
за оградой зеленый дол,
брат давно умерший,
Волги плесы,
над водою ситцевый туман,
женщин горячо любимых слезы.
И вздохнул, проснувшись, атаман.
... Разорвали гортанные крики
тишину.
Загорелось смолье.
Скрежетало железо, да хрипы
умирающих в муках.
Полет
стрел раскрашенных тьму рассекает.
-Не робей, мужики, все к воде!
И казацкие сабли мелькают,
прорубая дорогу.
-Везде
лезут дьяволы, к стругам, ребята!
Мы еще за себя постоим!
И Ермак в авангарде отряда
валит нечисть, круши ее в дым!
Но проломлено днище у струга,
тонет лодка – вода глубока.
Боль в руке перевязанной.
Кругом
обложили враги Ермака.
Смят шишак,

а на сабельке пальцы
онемев, побелели, как снег.
И исчез позолоченный панцирь
в покрасневшей иртышской волне.
Ой, Иртыш, ты такого посыла
не припомнишь!
Слезой ключевой
до обских берегов уносило
славу русскую.
Мерный прибой
пел свою заунывную песню.
Бор сосновый угрюмо шумел,
будто скрипом и стоном хотел
заглушить окаянные вести.
Но не хочет Иртыш дать покой
утомленному в битвах герою
и на мыс закипевшей водой
вынес тело твое под горою.
Здесь князя схоронили тебя,
да царю Сейдяку сообщили,
саблю, пояс, кафтан поделили
и злаченные брони.
Скорбя,
на Башлевском погосте сосна
источила янтарные слезы
и исчезла в столетях.
Весна
распушила на взгорье березы.
Но никто, даже ветер не знает
где могила его, скорбный знак?
В песнях древних таежного края
навсегда остается Ермак.

Эпилог

Память, вечная память народная
сохранила героев дела.

Покорителей воля свободная
поколенья на подвиг вела:
воздвигались Пелым и Тобольская
крепость на берегу Иртыша.
Верхотурье и Тара приобская,
городище Тюмени.

Верша
этот путь, расширяя российское
порубежье, стремился вперед,
обживая просторы сибирские,
любопытный русский народ.
Неспеша ваши руки рабочие
возводили в тайге города.

Никакими словами и строчками
не воспеть этот подвиг труда.

Разбудив дебри Севера спящие
продолжаете строить и жить.
От дружин Ермака в настоящее
протянулась незримая нить.

Наши предки творили историю
основательно, не без затей.

Пусть земля Ермакова, Югория,
будет домом для ваших детей.

сентябрь 2000 г.-январь 2001 г.

Александр Игумнов

Родился в 1956 году в г. Кизел Пермской области. Окончил Саратовское высшее военное авиационное училище. Участвовал в боевых действиях в Афганистане. Автор книг рассказов «Пробуждение» и «Мы еще не вернулись». Член Союза писателей России.

Рядовой Рекс

Посвящается

Герою России Александру Бузину.

Рекс был умница. Когда его мама – средних лет овчарка по имени Роза ласково и нежно облизала четверку родившихся щенков, один из них неожиданно тявкнул. В дощатую, просторную конуру заглянула физиономия человека. Мама Роза наострила уши, бочком прикрыла свой приплод и на всякий случай незлобно рыкнула. Поворчала и позволила молодому белобрысому собаководу взять шевелящийся комочек в руки. Осторожно раздвинув хлипкие лапки щенка, он удовлетворенно хмыкнул и с удовольствием чмокнул губами его в теплый носик. Роза зарычала, слабо повизгивая, требуя свое чадо обратно. Потрепав свободной рукой по взъерошенному загривку мамыши, собаковод подсунул щенка ей под бок, улыбнувшись, сказал:

-С норовом у тебя сынок, Роза. Хорошим воякой будет. Назовем Рексом.

Там, в питомнике, и вырос Рекс в мощного черно-серого красавца. Что он был умница, спору не было. Он быстро научился выполнять команды: стоять, лежать, ползти, бежать, прыгать, барьер и прочей собачьей премудрости. Долго фыркал и чихал, привыкая к запаху взрывчатых веществ. Дико вращал налитыми кровью глазами, воротил морду, кусался и визжал, оставаясь голодным на ночь. Его величество голод и

лакомый кусок сахара сделали свое дело. В конце концов, наплевав на мертвячий, прелый запах тола, Рекс все же вынюхал эту нечисть, закопанную в землю и, радостно повизгивая, сделал стойку. Его одобрительно погладили по голове и тут же вручили пайку сладкой подачи, которую щенок мигом схрумкал. Что-то, а сахар он любил. Особенно хрустящие на зубах леденцы. Дальше все пошло как по маслу. Только успевай вынюхивай и получай честно отработанный лакомый кусочек.

Умные, как известно, всегда впереди. В жизни, бою и смерти. Полгода напряженной подготовки и готов рядовой Рекс к службе в армии. Не догадываясь, что его навсегда увозят от мамы Розы и родного питомника, он добровольно прыгнул в дверной проем самолета, обнюхал дальний угол и прилежался на мягком сером рюкзаке. Полеживал и спокойно глазел на молодых солдат, грузящихся в самолет, ожидал появления широкоскулой физиономии своего хозяина. Какой-то тип по кличке Шурик неосторожно прикрепил к ошейнику собаки карабин поводка и со вздохом проговорил:

-Повязаны мы одной веревочкой, дружище, вместе воевать будем. Теперь я твой хозяин. Сиди смирно, не дергайся на взлете.

Рекс страшно испугался, когда загрохотали двигатели самолета. Дернулся к двери, но был остановлен рывком поводка и командным криком Шурика «Лежать!». Он был дисциплинированным псом и поэтому незамедлительно лег брюхом на пол.

Лишь самолет взмыл в небо, что-то оборвалось в его животе, защекало в ушах, закапало из носа. Бежать и спрятаться было некуда. И мама Роза куда-то запропастилась. Одни незнакомые лица солдат – равнодушные и сонные. Только Шурик гладил его по голове, поглядывая с жалостью и тревогой. Постанывая и повизгивая, Рекс уткнулся мордой в его ноги. Замер, зажмурил глаза, опустил уши, доверив свою собачью жизнь этому человеку. Так он обрел нового и последнего хозяина в жизни.

Наконец-то прекратился грохот двигателей и самолет замер на стоянке. Александр, подтолкнув под зад, спустил собаку с поводка. Под оглушительный смех десантуры, ловко юркнув между солдат, пес пулей вылетел из грузовой кабины, прыгнув, минуя трап, прямо на бетон Кабульского аэродрома. Отбежал в сторону, пару раз чихнул, поднял ногу и презрительно помочился на вновь обретенную землю. Десантура вновь заржала, и Владик, друг Шурика давясь смехом, крикнул:

-Ну и псина, ну и Рекс! Себе уж памятник воздвиг нерукотворный, раньше нас... Молодчина! Так держать! Будете знать русских кобелей афганские сучки.

Рекс покрутился среди выгружающихся солдат, отыскал Шурика и вильнул перед ним хвостом. Тот благодарно прижал пса к груди и прошептал ему в ухо:

-Вместе воевать будем, вместе. И верно, умный ты песик, мой Рексик.

К вечеру без принуждения собака добровольно впрыгнула в кабину вертушки и полетела с Александром к месту назначения. Выходит, Рекс, как и его хозяин, пусть по своей псинной глупости, но добровольцем отправился исполнять свой собачий интернациональный долг к черту на кулички. Он стал бравым воякой. Только штабисты знают, сколько боевых зарядов обезвредила собака, а сколько солдатских жизней спас умный пес – не подсчитает никакая статистика.

Шла операция в горной долине, окруженной высокими пиками тысячелетних гор. В вышине парило солнце и некуда было спрятаться от проклятой жары. Ни кустика, ни деревца, сплошные горячие камни и валуны да песок, хрустящий на зубах. Усталость в лапах, усталость в глазах, усталость в голове.

-Рекс, вперед,- прохрипел, облизывая ссохшиеся от жары губы, Шурик, лениво поправляя на спине ремень автомата и стирая со лба пот.

Пес неторопливо вышел из-за БТРа на дорогу, взглянул на своего хозяина, который, приспустив поводок ошейника,

3

подбодрил его слабой улыбкой, привычно уткнулся горячим носом в землю и засеменял по выбитому взрывами грунту. Следом двинулся БТР, на броне которого, держа автомат в руках и свесив ноги, сидел голый по пояс Владик. Позади танк и длинная вереница автомашин. Внизу, в глубоком ущелье, дымились остатки подорвавшейся БМП. В небе урчал вертолет, увозивший убитых и раненых после подрыва солдат.

То ли опротивели четвероногому саперу леденцы, которыми с утра пичкал Шурик, то ли устал и был рассеян, вспоминая вчерашний роман с косматой сучкой Лорой, или заряд был особенный, закопанный на большую глубину – Рекс прошляпил, прошел мимо, не принял положенной стойки. А хозяин, уверенный в своем поводыре, оглянулся назад, махнул рукой: «Все, мол, нормально». Неторопливо отстегнул с пояса фляжку с водой, запрокинул голову, отпил пару глотков, прополоскал рот, выплюнул теплую жидкость и, не закручивая колпачка, сделал роковой шаг. Земля вздыбилась под его ногами, словно из ада, из преисподней вырвался страшный черт, не пожелавший жариться на сковороде. Сильный взрыв сотряс разряженный воздух, и десятки мелких чертей огненным смерчем разлетелись в разные стороны, достав своими смертоносными щупальцами и беднягу Рекса. Где-то сверху застрочил пулемет, ударили автоматы, кувыряясь, поскакали на дорогу заросшие мхом камни.

-Засада! – заорал Владик, скатываясь с брони БТРа и прячась за огромный валун на краю обрыва. Гулко бухнули пушки брони. Завязался короткий, яростный бой. Под прикрытием плотного огня танков раненый в голову Владик и еще двое десантников осторожно выволокли повизгивающего Рекса из зоны обстрела. Друг Александра, размазывая по лицу слезы, плакал, непрерывно повторяя:

-Одна фляжка, только фляжка, фляжка, фляжка...

Он вдруг вздрогнул всем телом, перестал всхлипывать, сощурил глаза, плавным движением правой руки заменил патронный рожок, передернул затвор автомата и резко повернулся в сторону полумертвой собаки. С каким-то ожесточением, не-

навистью. **выдавил:**

-Ты, псина, виноват, ты... Нюхало хренов.

В последний момент Рекс на минуту пришел в себя. Сквозь кровавый туман, застилавший глаза, увидел наведенный на него ствол автомата в руках друга своего хозяина, его колючий, помертвевший взгляд. Они долго смотрели друг другу в глаза. Человек и собака. Два воина, два бойца.

Рекс не просил милости. Да, он виноват в случившемся и должен понести наказание. Стреляй, Владик, и будешь прав. Рекс умница, он все понимает. Все, все... Что прочитал в глазах собаки Владик, остается тайной. Он неожиданно вновь всхлипнул, по-мальчишески шмыгнув носом, положил автомат под ноги, присел на корточки, долго гладил понурую голову собаки. Встрепенулся и, повернувшись к БТРу, крикнул:

-Серег! Тащи бинт. Может, выживет,- он осторожно перевязал собаку и его губы непрерывно бубнили: - Прости, Рексик, прости, если сможешь. Ничего, будешь жить, еще повоюем, отомстим гадам за Шурика.

По команде радиста взлетевшие несколько минут назад вертушки приземлились на площадку. Перевязанную вдоль и поперек, тоскливо смотревшую слезящимися глазами вдаль собаку, несли на носилках четверо десантников. Позади, еле передвигая ногами, плелся обрызганный собственной и собачьей кровью Владик, матерясь и приговаривая:

-Повоюем еще, Рекс, повоюем, мать духов за ноги.

В вертолете он бредил, рвал на голове бинты, искал автомат и все порывался бежать на выручку друга. Его держали за руки, пока не упал плашмя, потеряв сознание. Они даже не попрощались. Владика отправили в госпиталь в Союз. Больше в часть он не вернулся.

Собака выжила и через месяц впервые, зажмурившись, взглянула на солнце. Через три месяца Рекс превратился в отличного сторожевика, стал грозой местных низкорослых кобелей и любимцем неприхотливых сучек. Но где бы ни находился пес, услышав шум вертолетных двигателей, летел на площадку для посадки и замирал вблизи в тревожном, воз-

бужденном ожидании. Из вертолета выходили десантники, весело окрикивая собаку. Рекс благодарно прижимал уши, вытягивал шею, но не двигался с места. Он искал среди молодых парней долгожданного хозяина, своего Шурика. Не дождавшись, тяжело вздыхал, понуро опускал хвост и осторожно впрыгивал в пустую грузовую кабину. Усердно обнюхивал все углы, выискивая запах хозяина и, не найдя, ложится на броневую обшивку днища вертолета. Лежал, положив голову на передние лапы, уставившись в одну точку. Часами ждал, сам не зная кого, вспоминал и думал о чем-то. Лишь летчики включали двигатели, Рекс впадал в панику, и никакие силы не могли удержать его в вертолете. Как-то попытались и поплатились за это. Пес вихрем скакал по грузовой кабине, кусал всех, кто подвернется под клыки. Борттехник, услышав шум, в недоумении открыл дверь пилотской кабины и был ошарашен прыжком собаки через голову. Правый летчик в страхе от разгневанного взгляда и рычания Рекса механически схватился за ручку сдвижного блистера и открыл его. Собака, почувствовав струю свежего воздуха, не раздумывая, нырнула в дверной проем и с высоты нескольких метров рухнула на землю. Благо, вертолет был в режиме висения. Все обошлось легкими ушибами. Но больше никто и никогда не шутил с собакой.

Рекс же страшно боялся опять лететь на войну. Встретиться с тем приторным запахом в земле, после которого что-то вздыбилось под ногами хозяина и обрушилось на собаку градом укусов и жгучей, режущей болью живота.

Прошло время. Войска уходили на север. По дороге пылили БМП, танки и БТРы. На броне сидели знакомые солдаты, кричали, звали к себе Рекса. Но нигде не было хозяина и друга его Владика. Он долго бежал следом, иногда обгонял колонну, застывая на месте, внимательно вглядывался в веселые лица десантуры. Весь запыленный, наконец, отстал и, опустив хвост, рысцей вернулся в пустой лагерь. Завыл, залаял от непривычной тишины и одиночества. Напрасно тарахтела последняя вертушка, и летчики усердно пытались отловить упрямую собаку, Рекс дал стрекача и спрятался в укромной

дыре, выдолбленной в скале. Он удовлетворенно вздохнул, когда хорошо знакомый летчик, обреченно махнув рукой, сел в пилотское кресло. Вертолеты сделали прощальный круг над площадкой и улетели догонять автоколонну. Долго и тревожно наблюдал Рекс за последней вертушкой. Словно понимал, что остался совсем один. Он вышел из-за скалы, огляделся. Кругом было пустынно и мусорно. Ни людей, ни палаток, несколько пустых строений с выбитыми стеклами да железные решетки вертолетной площадки. Не было и его жилища, где стояла койка хозяина, под которой на подстилке всегда спала собака.

Но рядовой Рекс четко занл свои обязанности. И еще двое суток его грозный лай отгонял от брошенного военного городка случайных прохожих и любопытных гостей. До последнего он надежно нес службу. А потом пришло много людей в чужой одежде с оружием в руках, радостно палящих в воздух. И это были лютые враги, стрелявшие во Владика и Шурика, разлучившие Рекса с ними. Этих людей он знал, он их помнил, он их ненавидел. Весь день собака притаившись пролежала за скалой. Ночью загрызла первого, зашедшего за скалу, тем самым рассекретив свое убежище. Поутру встревоженные люди с ужасом обнаружили товарища с разорванной глоткой и изуродованным лицом. О чем-то с жаром поспорили и по команде чернявого властного командира окружили скалу.

Рекс спрятался в пещере, притаился, готовый к прыжку. Обнаружили его сразу. Постреляли из автоматов, поспорили на непонятном языке, смолкли. Наспех сколотили лестницу и приставили к отверстию. По лестнице поднялся заросший бородой человек, отстегнул от пояса гранату, выдернул чеку и метнул ее в отверстие пещеры. Раздался глухой взрыв. Беспрерывно строча из автомата, неуклюже, как-то боком он свалился внутрь пещеры. Послышался протяжный вой, злобное, звериное рычание, пронзительный жалобный человеческий крик. Минутная жуткая тишина. И бешеная, беспорядочная пальба из всех видов оружия. Кто-то сообразил принести

дымовые шашки. Собаку решили выкурить из пещеры. Снова по лестнице поднялся человек и одну за другой стал метать «дымовухи» в отверстие.

Постепенно пещеру заполнил едкий тошнотворный запах, напомнивший Рексу проклятый запах тола. Он пару раз чихнул, уткнувшись носом в лапы. Почувствовал, как побежали из глаз слезы, зашекотало глотку, учащенно забило сердце, от нехватки кислорода сдавило легкие. Отчетливо понял, что надо выбираться отсюда на волю и солнце.

Его ждали десятки жестких глаз и стволы автоматов. Морда собаки вынырнула из дымовой завесы. Рекс прыгнул, зацепив лапами человека на лестнице. Одновременно они упали на землю. Собака успела схватить врага за горло и мертвой хваткой стиснуть зубы. Кто-то с испугу в упор застрочил в вертящийся на песке клубок с яростно рычащим Рексом и хрипящим, еще живым товарищем. Чернявый что-то крикнул, схватил стрелявшего за руки, размахнулся и ударил по лицу. Быстро повернулся, выхватил из кобуры пистолет и хладнокровно добил собаку.

Пес и его жертва умерли мгновенно от пуль, беспорядочно выпущенных из автомата. Последнее, что промелькнуло в угасающей памяти Рекса, это ласковые руки, добрая улыбка и ждущие глаза Шурика. Он удовлетворенно глубоко вдохнул чистый утренний воздух, обвел помутившимся, ненавидящим взглядом напряженные лица врагов, дернулся и умер.

Еще целые сутки на побуревшем от крови песке валялась мертвая собака. А рядом, на камне, сидел часовой с автоматом на коленях. Приходили люди, с отвращением и страхом рассматривали пса, плевали на его тело. На второй день на солнцепеке Рекс стал разлагаться и пованивать мертвячиной.

Совершенно случайно, именно на том месте, где стояла палатка хозяина Рекса, вырыли яму и, брезгливо морщась, шестью столкнули собаку на дно. Быстро засыпали

яму песком, утоптали ногами, положив сверху могилы огромный камень. Они как будто боялись, что злой дух пса вырвется из могилы наружу и будет мешать жить людям.

Родился на Алтае в деревне Лобаниха. Окончил Томский медицинский институт. С 1979 года живет и работает врачом в г. Советский. Автор сборников юмористических рассказов «Смехотерапия» (1999 г.) и «Смехокарусель» (2001 г.).

Мужской разговор

Нервишки стали барахлить да и бессонница замучила. Был у невропатолога – он таблетки выписал. Три раза в день перед едой. А где я ему столько еды возьму. Вечером приму таблетку, съем сухарь и спать ложусь. Только засну, колбаса снится. Соскакиваю с дивана, открываю холодильник, а там пусто. И так каждую ночь. Утром встаю голодный и злой, как собака.

-Может, - спрашиваю, - что-нибудь другое попробовать? Массаж там, курорт, на худой конец.

-На худой конец, говоришь? А выдержишь? Не опозоришь район?

-Не понял?

-Курорт, спрашиваю, выдержишь? Слабеньким на курорте делать нечего. В прошлом году трех наших бугаев загнали. Двух с инфарктом привезли, а третьего «кондратий» хватил. Там ведь дамы – будь здоров, каждая со стажем и богатым опытом. Как у тебя насчет этого самого?

-Да как вам сказать... Питание-то сами знаете какое – сильно не разгонишься. По третьему юношескому – не больше.

-Значит, про южные курорты пока забудь; в средней полосе – тоже делать нечего, а вот местная грязелечебница в самый раз. Я ведь сам начинал с нее. Повалешься месячишко –

другой в грязи, а там видно будет.

-А почему тогда свояк ездил в Пицунду?

-Ты себя со свояком не ровняй. Он, можно сказать, округ прославил, а может и всю Россию. Фрагменты его тела потомкам будут на уроке анатомии показывать. Женщины у него бесплодие лечат – считай народным целителем стал. Ты думаешь, за что его на Доску почета повесили? Вот за это самое и повесили. И откуда только сила берется? Спросил – не говорит, хотя точно знаю, что пьет какую-то траву и корешки грызет. На пустыре что-то копает.

-Может женьшень?

-Да откуда у нас женьшень. Ты поспрашивай его как-нибудь, может, расколется.

Вечером отоварился горькой – и к свояку. Три раза бегал за добавкой, пока не признался:

-Ладно, - говорит, - скажу. Только никому ни слова. Встань-травя называется. Растет у нас на пустыре. С колокольчиками.

Ночью фонарь, лопату в руки – и на пустырь. Ну, думаю, держись теперь, южный берег Крыма!

Из психбольницы выписался через месяц. Оказалось, что вместо встань – травы пил совсем другую, после чего полностью потерял интерес к противоположному полу и тронулся умом. Свояк с передачей приходил:

-Ну как, помогло?

Я ему все рассказал – он за голову схватился:

-Ты ведь не ту пил! Ты же беленой объелся!

После этого случая про курорт даже не заикаюсь. В местной грязелечебнице тоже пока делать нечего. Свояк дал какие-то корешки, жую, но похвастаться особо нечем. Сам опять собирается на юг. У меня, говорит, там работы – непочатый край. Сильно, мол, не переживай, если поясница выдержит, отработаю за двоих. Как говорится, за себя и за того парня.

Вчера дядю Колю хоронили. По ошибке живого закопали. А кто знал! Вот так же сидели, выпивали, смотрим, а у него – дым изо рта. Самим, думаем, не погасить, поэтому вызвали пожарных. Те приехали, полили его из шланга пеной и сказали, что очаг ликвидирован. У себя отметили, что причиной пожара явилось короткое замыкание в животе. Среди нас оказался опытный медик со стажем – он сторожем в больнице работает, – нет, говорит, здесь другое. Пульс потрогал – нет, в животе послушал – дыхания нет, тапочки снял, пощекотал – не смеется. Мельком глянул на стопы, а они плоские, как досочки. После этого дал свое заключение: «Смерть произошла от плоскостопия, осложненного употреблением неизвестной жидкости».

Дядя Коля мусульманин, поэтому хоронить надо до заката солнца. Сорвали с забора доски, сколотили гроб, положили в него нашего товарища и побежали на кладбище.

Вернулись домой, помянули – мало. Побежали, еще пару ящичков принесли – не берет. Тут же решили отметить три дня. А у нас где три, там и девять. Добровольцы отлучились и еще три ящика принесли. Как годовщину отметили – уже не помним.

Утром проснулись, головы трещат, а с чего – не знаем. Переключку сделали – оба! – дяди Коли нет. Как сквозь землю провалился. Наверное, думаем, за водкой пошел. Одному с его здоровьем ящик не донести, поэтому побежали встречать. Все ларьки обошли – нет нигде. Чувствуем, беда случилась. Человек пропал – надо искать, поэтому позвонили в органы:

– Алле! Милиция?! У нас дядя Коля пропал. Ушел из дома и не вернулся.

– ...

– Особые приметы? У него на плече должен быть ящик водки.

– Минуточку, – отвечает дежурный, – по нашим оперативным данным, вчера какого-то дядю Колю хоронили на мест-

ном кладбище. Не ваш, случайно?

-Типун вам на язык за такие слова! Разве можно так шутить? – и положили трубку.

Тут же зазвонил телефон. Мужской голос – из трубки:

-Срочно приезжайте на кладбище, из вашей могилы кто-то кричит.

Они, что, думаем, с ума посходили сегодня. Потом начали вспоминать и вспомнили, что вчера вроде кого-то хоронили. От страшной догадки волосы вздыбились, глаза побелели, схватили лопаты – и на кладбище.

Рабочий показал могилу, прислушались – правда, кто-то орет, а кто – не понять.

-Помогите! – кричит. – В долгу не останусь!

-А сколько дашь?

-Ставлю литр на брата с опохмелкой.

Посовещались, ладно, думаем, пойдет. Голос показался знакомым.

-Дядя Коля, ты, что ли?

Слышим: заматерился, аж земля заходила. Ну, значит, он, больше некому. Откопали – точно он. Вылез из гроба, глаза красные, как учерта, трясется. Увидел на соседней могилке стакан с водкой, похмелился и начал рассказывать.

-Проснулся, -говорит, -тишина и темно, как в могиле. Руками потрогал – гроб. Как закричу и начал бить коленками в крышку. Хорошо, что кладбищенский сторож у могилки лежал.

-Ты же, дядя Коля, умер вчера. Воскрес, что ли?

Долго не говорил, потом признался, что хотел на Луну «слетать», поэтому выпил поллитра лосьона для ног. В животе загорело, дым изо рта, сознание помутилось и «полетел».

-Ну и как там, на Луне? Небось и лунатиков видел? Они, говорят, водку хлещут – будь здоров.

-Про водку не скажу, а вот наш лосьон для ног – это пьют за милую душу и характерно, не закусывают.

Долго еще рассказывал, после чего мы посадили его в гроб и понесли домой отметить его возвращение. Несем, а на-

род смотрит и глазам не верит: кто – в обморок, кто крестится, а некоторые – волосы дыбом и с криком убегают.

А дядя Коля сидит в гробу, ноги свесил и про плоско-стопие рассказывает. Дело, мол, в нем. Не будь его, может быть, никуда бы не полетел. А чтобы его не было, нужно ходить на цыпочках.

С тех пор мы так и делаем, поэтому нашего брата-синяка легко узнать по походке.

Диплом

Раньше, чтобы получить диплом специалиста, нужно было почти полжизни учиться, забивать голову всякой чепухой. Придет такой на работу и не бельмеса не знает. Пока не забудет все, чему учили, толку от него никакого. Сейчас другое дело: покупай диплом и не ломай голову. По знаниям получается то же самое, но зато учиться не надо. Дело хорошее, одно плохо – мясной рынок пострадал. Пришел как-то в магазин:

-У вас баранина есть?

-Нет, баранины как таковой в наличии нет.

-Почему?

-А потому что все бараны пошли учиться.

-Ну, а куритины почему нет?

-Что сами не можете догадаться? После того, как куры узнали об этом, они все со смеху подошли.

К нам недавно из столичного вуза приезжали- дипломами торговали. Такого стремления к образованию я еще не видел. Очередь выстроилась на километр. Задние волнуются, беспокоятся, что на всех не хватит. «Больше одного диплома в руки не давать!»- кричат. Инвалид детства по слабоумию и тот пришел. Продавцы давай ломать головы: с одной стороны явное недоразвитие мозга, с другой – непреодолимое стремление пополнить ряды дипломированных специалистов. Разум взял верх над эмоциями, продали, но с оговоркой: никакие должности, кроме руководящих, не занимать. Я купил

диплом летчика-космонавта. Через неделю получил телеграмму: «Центр заочной подготовки космонавтов предписывает Вам в трехдневный срок явиться по указанному ниже адресу. В случае неявки будете доставлены в принудительном порядке».

Вот, думаю, влип, так влип. Дело серьезное, хошь-не хошь, а летную практику придется отрабатывать. Хорошо, если на околоземной орбите, а если турнут на периферию; забросят в какую-нибудь Туманность – попробуй выберись оттуда. Чтобы не откладывать дело в долгий ящик, быстро собрал рюкзак, на всякий случай взял свои сантехнические инструменты, попрощался с родными – и в Центр; оттуда нас, космонавтов, доставили на космодром. После медицинского обследования из группы был отчислен скотник космонавт из Марий Эл, который в тот период проходил лечение в наркологическом диспансере. Окулист с покупным дипломом потрогал мне голову, сказал, что у меня помутнение хрусталика и списал из летного состава в группу наземного обслуживания полетов. Расстроился, конечно, героя, думаю, уже не получу. Не успел успокоиться, слышу: «Объявляется десятисекундная готовность». А меня как раз назначили старшим у пусковой кнопки, но где она – не показали. Время идет, осталась одна секунда, а, думаю, где наша не пропадала и надавил на красную. Вы не поверите, угадал.

Что тут началось: земля задрожала, огонь, дым, пыль. Я испугался, рванул с места, но запнулся, упал и ударился головой о какую-то железяку. Последнее, что увидел – это космонавт из Марий Эл, который в самый последний момент ухватился за ракету и полетел. Он хотел стать Героем.

Где-то через неделю в СМИ прошло сообщение о том, что экспериментальный экипаж космического корабля благополучно десантировался на один из астероидов солнечной системы. Один из космонавтов находится в свободном полете за пределами корабля, патрулируя околоземное космическое пространство. Неужели, думаю, наши? Звоню.

-Алле! Диспетчер? Ну, как там наши орлы?

-Ваши орлы, - отвечает, - оказались с покупными дипломами, поэтому по ошибке залетели в другую галактику, а как вернуться, не знают. Послали корабль, но где их там найдешь.

Вечером сидим с женой у телевизора, новости смотрим – как раз заседание Думы показывали. Один бритоголовый оказался знакомым. Пригляделся, а это инвалид детства, который стоял со мной в очереди за дипломом. Вот те раз, думаю, значит, в политику подался. А вообще-то куда ему еще с его головой. Он в Думе самый буйный: чуть что не по нему – сразу в морду. Пока новости смотрел, еще нескольких знакомых увидел, после чего понял, почему мы так «весело» живем.

Подумал я, подумал, и решил продать свой диплом соседу. Может, забросят куда-нибудь подальше, а то храпит, паразит, спасу нет.

Подкидной

Сижу как-то вечером, в шахматы играю. Сам с собой. Жена подсела, долго смотрела.

-Ну что, опять «детский» мат получил? Свихнулся ты уже со своими шахматами. Вон соседи, любо-дорого посмотреть: приходят с работы и весь вечер в «дурачка» режутся. Нервы успокоят и храпят всю ночь, а я из-за этого бессонницей маюсь. Хоть бы раз в отместку похрапеть. Ты со своим Капабланкой скоро в дурдом попадешь. Про подкидного – то хоть слышал?

-Еврей, что ли?

-Сам ты – еврей! Подкидной дурачок – игра такая. В карты.

-Наверное, азартная?

-Чудак ты на другую букву. Какая же она азартная? Смотри сюда. Вот они. Тридцать шесть картей четырех мастей: буби – «письмо», черви – красное сердечко, пики – черное сердечко, трефи – крестики. Идем дальше. Самые главные – это тузы, за ними идут короли, дамы, вальты и прочая мелочь. Тузы и короли бьют дам.

-За что это?

-Да ни за что. Дурью маются – вот и бьют.

-А я думаю, за просто так бить не будут. Тут что-то другое. Скорее всего – за измену. У этих дам одно на уме.

-Ну, конечно,- одно. А у вашего брата – так другое. Но дамы тоже не хухры-мухры, и зло срывают на вальтах.

-С каких это пор дамы стали бить мужиков? Десятки есть – пусть их и бьют.

-Ну, а если у дамы кулаки чешутся, тогда как? Не себя же ей бить. Слушай дальше. Значит, так... Раздаем по шесть карт. Козыри – трефи. Начинает тот, у кого младшая козырка. Ходи, у тебя шестерка.

-А ты откуда знаешь?

-Поиграй с мое – и ты узнаешь. Ходи под меня.

-Как это – под тебя?

-Ну, не под себя же тебе ходить. Просто так говорят, а ты что подумал?

-Да ничего я не подумал.

-Ну, ладно-ладно, не злись. Ходи.

Я бросил семь – червей, она ударила восьмеркой –буби.

-Ты чего это мухлюешь? С какой это стати буби стали бить червей?!

-Смотри, какой глазастый. В очках ведь, а увидел. Молодец! Толк выйдет.

Войдя в азарт, мы стали биться не на живот, а на смерть. После того, как она моего козырного туза побила дамой –пик, игра приобрела драматический характер; а когда она незаметно попыталась заменить козыря, земля заходила под ногами, и я с силой ударил ее даму –черви шестеркой –буби.

-Ты что же это, шельмец, себе позволяешь?! Даму –шестеркой!

Схватила меня за волосы и ударила головой о столешницу. Когда пришел в чувство, начал вспоминать, что было. По разбросанным картам догадался, что играли, а по хорошему настроению и клочкам волос предположил, что игра была интересной и азартной. В ту ночь спали, как убитые.

С тех пор, как только появляется бессонница и хандра, режемся в подкидного. Я, как всегда, бью шестерками ее дам, она дамами лупит всех подряд. Ладно, думаю, пусть лупит – не меня же. Одно плохо, храпит – соседи жалуются.

Дмитрий Токкеа (Пивненко)
г.Югорск

ДРЕВНИЙ НОВЫЙ УРЕНГОЙ

... й год от Рождества
Христово.

Скупое приполярное лето. Тундра, навеки искалеченная траками давно уже ставших металлоломом бульдозеров и вездеходов, освещена незаходящим северным солнцем. До самого горизонта протянулись покосившиеся антенные мачты умолкнувших навсегда радиотрансляторов, высокие шпили громоотводов, ажурные пирамидальные вышки и погасшие газовые факелы.

А посреди изуродованной тундры раскинулся огромный мертвый город, похожий на мираж или кошмарный сон. И никто сейчас не поверил бы, что этот город – прежняя столица российских газовиков, давно уже, однако растерявшая свою былую славу – когда-то роцветал. В нем сейчас обитает не более трех сотен человек весьма своеобразной расы, впитавшей в себя все, что жило, а точнее – существовало в давно исчезнувшей стране под названием СССР. Все население города чуть ли не с незапамятных времен полностью оторвано от внешнего мира и живет только сбором грибов и ягод, а также – ловлей рыбы в темной и извилистой речушке со странным именем Евояха. Да и говорят здесь люди на особом наречии, непонятном никому более: увечной смечи русского, татарского и хантыйского языков с ямало-ненецким диалектом – разбавленной, к тому же, примесью украинских, зырянских, молдавских, литовских, армянских и немецких слов. А может и еще кое-каких – встречаются там даже целые фразы, взявшихся вообще непонятно откуда...

От города, подобно бесконечной лестнице, тянутся в никуда ржавые рельсы с поперечинами истлевших в прах шпал.

А под рельсами видны промоины в рыхлой песчаной почве. Некоторые из них успели превратиться в постоянно текущие ручьи с кофейного цвета водой, а по их берегам в изобилии произрастает снежно-белая косматая пушица. И рельсы над этими ручьями висят непонятно на чем, словно какие-то диковинные мосты. Так и хочется взглянуть под шпалы и самому убедиться в том, что под каждой из них, как гласит старинное предание, лежит по скелету, а то и по два. Но делать этого не имеет смысла – даже если они когда-то и были там, то давно бесследно растворились в здешней гнилой грязи, в которой когда-нибудь и вся эта жуткая железная дорога. Ну, а если сейчас забраться на железнодорожную насыпь и посмотреть в даль, то видно, что все еще остающиеся на поверхности рельсы искривлены, будто след пьяного ханта.

По этим кривым и ржавым путям неторопливо ползет малыш. Но ни он, ни его родители могут ничего не опасаться: поезда здесь уже давным-давно не ходят. Трудно сказать, сколько времени прошло с тех пор, но никто из ныне тут живущих не слышал вкусного клацанья вагонов друг о друга, попеременно с локомотивными гудками, и не видал подлинного железнодорожного буйства жизни с его вокзальной суматохой. Правда, люди здесь подолгу не живут, не взирая даже на то, что практически каждый оставшийся вполне может сам занимать хоть целый девятиэтажный дом в три-четыре подъезда – пусть без воды и отопления, но зато с множеством балконов, забитых фанерой окон и загаженных лестничных площадок.

Так что старика здесь не встретишь, поэтому не исключено, что последний поезд был в этих местах лет сорок назад. Естественно, движущийся поезд, потому что издохших тепловозов и вагонов хватает там в избытке: вдоль почти всей дороги лежат они – кто на боку, а кто и кверху колесами...

Малыш некрасив. Мало того – он уродлив: огромная голова, отвислое брюхо, короткие ручонки, кривые ноги колесом, сплюснутое блинообразное лицо с торчащими ушами и носом, состоящим из одних ноздрей. Зовут его... Один Бог

знает, как на деле зовут его, потому что родители, скорее всего, сами заблуждаются на счет его истинного имени. Он может быть и

Лыхнэ Хакимович Кондратюк, а может и Сысой Гаджибек-оглы Абрамсон. Не исключено, что – Гонартас Минович Медведь или Отар Вампилович Капэрару. Наконец, возможно даже и Вильям Пьерович Пяк-Харючи... Словом, выбирайте любое сочетание имен – пусть и самое невероятное, все равно этот ребенок не сможет его произнести. Он вообще может говорить с большим трудом; да и слов знает совсем немного, несмотря на свои полные семь лет.

Малыш ползет по рельсам. Медленно проплывает мимо ужасающий индустриальный пейзаж в серо-коричневых тонах: полуразрушенные жилые здания, старинная водонапорная башня, похожая на широкоплечего средневекового рыцаря в тяжелых латах из темного кирпича, тощие стальные трубы котельных с кокетливыми дождезащитными козырьками-шляпками, громадный мост-путепровод, бывший когда-то гордостью города, а ныне – своими обвалившимися пролетами – подобный сломанной челюсти... Забытые бетонные шахты колодцев, как норы для невиданных доселе чудищ... Исполинские трещины в земной тверди – глубиною, чуть ли не до самого ада – на месте выработанных до дна газовых месторождений и исчерпанных досуха подземных рек и озер, расколотые до основания стены школ и больниц, колонны и стропила цехов, газопромыслов и компрессорных станций – словно ребра вымерших динозавров, чахлые и засохшие деревца вдоль дорог, выжженные неведомым огнем пески, на которых уже никогда и ничего не вырастет, искореженные и даже будто раздавленные тела автобусов и грузовиков, скрученные винтом стрелы разбитых подъемных кранов, жалкие остатки сгоревших дотла щитовых и брусовых домишек Страшные картины запустения и разрухи – все это сильно напоминает последствия тотальной бомбардировки или артобстрела, хотя известно, что войны здесь никогда не было. Если, конечно, не считать беспощадной войны с природой, в которой по-

бедитель всегда, в конечном итоге, окажется побежденным.

Над городом, беспомощно раскинув металлические руки-траверсы – словно череда крестов для распятия мятежных рабов – застыли опоры линий электропередач, однако ни изоляторов, ни проводов на них уже нет, а то, что свисает с некоторых, больше похоже на всклокоченную реденькую бородавку старого тунгуса, и уж никак не готово проводить электрический ток высокого напряжения. Разбитые вдребезг бетонки дорог и улиц, окривевшие фонарные столбы без фонарей, похожие на кладбищенские оградки чугунные решетки над заброшенными клумбами... И повсюду непреходящий тленный смрад, грязь и развал. И мучительная пустота в глазах так редко встречающихся людей... Даже бродячие собаки, кажется, понимают всю бесцельность своего бытия.

Бурые стальные тросы, балки, трубы, угловатые фермы, швеллера назойливо лезут в глаза – впечатление такое, что весь город покрыт густой ржавой сетью. В общем, все это выглядит, словно нелепые декорации к фильму ужасов о какой-то погибшей фантастической планете.

А малыш продолжает ползти на Запад. Если ему не мешать, то он в итоге – через многочисленные станции и полустанки, похожие на предсмертные грезы нераскаявшегося грешника – дотащится до разъезда «Веселый». И это вовсе не чья-то неудачная шутка: тут действительно имеется разъезд с таким названием, хотя, наверное, вся здешняя железная дорога вполне может именоваться Веселой; по крайней мере – Смешной. Конечно же, только в том случае, если бы нашлись люди, способные смеяться над увиденным. Однако к разъезду «Веселый» маленький уродец вряд ли доберется: далековато все-таки, да и делать там нечего – поселок у разъезда тоже давно заброшен, и кроме куропаток и песцов там никто больше не обитает – разве что, всяческая мелкая живность, вроде мышей или мух. Так зачем же тогда ползти в поселок с таким неуместно радостным названием? Но малыш упрямо перелезает с одной трухлявой шпалы на другую.

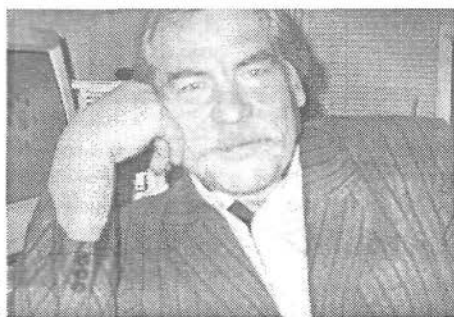
Когда малыша спрашивают, как называется город, в

котором он живет, он отвечает: «Уренхуй». Но лишь потому, что иначе сказать он не сумеет – в силу своего косноязычия. Хотя, пожалуй, большая часть населения города тоже называет его именно так, пусть и не все они имеют столь же явный дефект речи. Видимо, так они и воспринимают место, с которым их связала судьба. И, похоже, навсегда, ибо еще никому из потомков «заложников Севера» не удалось в последнее время вырваться отсюда на так называемую «Большую Землю». А это хуже тюрьмы, ибо в ней тебя удерживает злая воля безжалостных людей, здесь же – непреодолимые обстоятельства, возможно, еще более злые и безжалостные, чем тюремные надсмотрщики.

И нашему малышу не удастся далеко отползти от города. Он приблизился к гигантской расселине, то ли образовавшейся на месте провала в земной коре, то ли промытой недавним бешеным ливнем, то ли рожденной иной безумной стихией, мстящей уже не столько алчному «Человеку-Покорителю», сколько его несчастным и безвинным потомкам. У малыша хватило духу подлезть к самому краю расселины, в глубине которой бурлила некая зловонная жидкая масса. Тут даже этому глупому малышу стало ясно, что дальше ползти некуда. И маленький уродец, подняв тяжелую голову к странному северному небу, громко и протяжно завыл по-собачьи.

1996 г.

*Александр Губанов.
г. Советский*

МАСТЕР

Мастер был нездоров. Он понял это, как только вышел из подъезда. Ещё не было шести, и улица была пуста и туманна. А главное — свежа. Но обычного радостного чувства не было. А ведь он любил утро. Мастер всегда любил утро.

Он любил работать утрами, когда все чувства обострены, когда ощущаешь себя молодым, бодрым, кажется, стоит захотеть и ты можешь сделать сальто на асфальте.

Но сегодня ничего этого не было. Мастер медленно идёт к перекрёстку, привычно пробегая взглядом афиши. Во рту было скверно, как после похмелья, но ведь он уже 15 лет не пил. 15 лет. С тех пор, как стал Мастером.

Но хуже всего было с головой и глазами. Это стало повторяться всё чаще: сильная тупая боль в черепе и страшная резь в глазах. Он придавил двумя пальцами глазницы — стало легче. Но тут же почувствовал, что лоб очень горячий.

— Чертовски трудно становится жить, — тяжело думает Мастер, обходя женщину, поливающую газон с тротуара.

— Чертовски трудно... Так всегда — ждёшь годы, а на последний день не хватает сил... Не надо бы сегодня болеть... Завтра — можно, а сегодня — нельзя. Сегодня последний день работы... нельзя... нельзя...

Слова, причиняя боль, углями ворочались в черепе, чуть выше надбровных дуг. 15 лет работы — и ничего, а сегодня вдруг стало страшно.

— Ну что там, — успокаивает он себя, — и хуже бывало. Главное, знать меру... знать меру...

Он спустился в метро, сел на кольцевую и через три остановки вышел. Поднимаясь на эскалаторе, он вдруг заметил, что звуки доходят до него приглушёнными, будто сквозь вату. Мастер даже невольно потрогал уши. Ваты не было, но и головы будто тоже не было. Было такое ощущение, что трогаешь какой-то посторонний предмет, не относящийся к твоему телу. Но подумал он об этом безразлично, тоже как о чём-то постороннем.

Выйдя на улицу, постоял минутку, колеблясь, а потом свернул вправо и решительно направился через площадь к Ярославскому вокзалу. Час был ещё ранний, люди дремали в самых нелепых позах.

«Как в сказке, — донеслось до Мастера. — Царевна уколола палец, вскрикнула и уснула. Кошка приготовилась прыгнуть на воробья, сжалась в комок, да так и застыла. Служанка с подносом в руках спала посреди комнаты...» — Чёрт-те что, — думает Мастер. — Откуда такая дребедень берётся?

— Стаканчик кофе и бутерброд, — сказал он, протягивая полтинник. Девушка, не глядя на него, налила кофе, отсчитала сдачу:

— Получите 27 копеек, — и опять застыла у своей стойки.

Кофе был горячим, но удивительно противным, колбаса вызвала у него почти что тошноту. Усилием он заставил себя съесть всё это и направился через зал к билетным кассам. Близость работы несколько взбодрила Мастера. На стекле вдруг мелькнуло его отражение. Мастер остановился: «Никак не могу привыкнуть, какой я есть. Неужели это я? Таким меня видят люди, все, и только я знаю, что это ещё не я. Не весь я. Ведь в сущности, я никогда не интересовался, как я выгляжу. Наверное, если бы снять меня на плёнку и потом показать мне, я бы не узнал себя. Умом может быть и признал бы, что кто-то похожий на меня... Но — я? Я — это можно только чувствовать. Видеть нельзя. Только сам человек знает, что — он. Остальные видят то, что он хочет им показать. Вот и я — показываю». Он ещё раз посмотрел на зеркальную стенку: худощавая фигура, чуть седоватые спокойные волосы над высоким лбом

и немного скуластое жестковатое лицо. Тренер или молодой учёный, лет 40-42-х. И только глаза были необычными, будто без зрачков, белые и равнодушные. «Чёрт-те что», — бормотнул Мастер и отошёл от зеркала. Нужно было подумать о работе.

«А может, не надо сегодня? Пойти, отоспаться, завтра всё пройдёт...» Но жаль было расставаться с заранее продуманным планом. Сегодня последний день. Ведь должен же быть когда-то последний день? А там — другая жизнь, другие люди. Он знал, что у него хватит сил начать жить по-другому. Но сегодня нужно было крепко поработать. Техника безопасности требовала ясной головы, быстрой реакции, того особого чутья, которого сегодня не было. Всё исчезло — впервые за 15 лет. «Чёрт возьми, будто некролог — 15 лет, впервые за 15 лет...» Да, 15 лет работал он и здесь, и на других вокзалах, они стали его рабочим местом, а он был Мастером. Именно Мастером. Он изучил до тонкостей своё дело. Это был нелёгкий труд, но не более опасный, чем труд слесаря, сварщика или электромонтера. Нужно только знать чувство меры. Многим, кого он знал, его как раз и не хватало. После первого успеха они теряют голову, и тут приходит конец. Нет, он был Мастером. Он подошёл к кассам и остановился, изучая расписание. Нужно занять очередь. За кем? «Может быть, не надо?» — мелькнуло ещё раз в его голове. Он оттолкнулся от стены и пошёл прямо на беспокойно мятушуюся толпу людей — очередь.

II

Кассы ещё не открывались.

Очередь то распадалась, то возникала снова, и только самые упорные и недоверчивые продолжали стоять на своих местах, будто скелет её. Через 10-15 минут скелет обрастал мясом, очередь ворочалась, загибая свой хвост то в одну, то в другую сторону.

— А я говорю, что ты не стоял тут, — доказывала женщина

лет тридцати с гаком парню, напирая на него плечом. Тот не обращал на неё внимания, и только губы его беззвучно шевелились — думается, что шептал он не молитву.

— А я тебе говорю — не возьмёшь билета, — снова бросается в атаку тётка. От нечего делать все прислушивались к сражению. В любой очереди найдётся человек, который берёт на себя роль блюстителя её, и обязательно найдётся нарушитель. Нарушители, как правило, народ наглый и поддатый, очередь в основе своей труслива, и «блюстителю» частенько приходится туго.

Парень снова матюгнулся — про себя. Хотя все знали, что он действительно стоял на своём месте — отходил только на несколько минут — никто не хотел вмешиваться. В конце концов парень молча взял свой чемодан и пошёл в конец очереди.

— Вы последняя, девушка?

— Да.

Он поставил свой чемодан, посчитал стоявших впереди него.

— Сорок два, — сказал он вполголоса.

— Нет, сорок девять, — обернулась девушка.

— А вы не во Владимир едете?

— Нет, — улыбнулась она, — в Иваново.

— О, почти попугайчики. А вы живёте там или в гости?

— Из гостей. Домой еду.

— А у меня отпуск. Тётка во Владимире живёт, давно приглашала, ну вот решил посмотреть. Говорят, церковей много. Я вообще-то не очень стариной интересуюсь, мура всё это... Но тут писателя Солоухина почитал... Слышали такого?

— Слышала. — девушка коротко взглянула на него — смеётся, что ли?

— Ну вот, решил сам посмотреть. А там, может, в Ростов поеду, Суздаль. Может, в этом и правда что-то есть.

— А у нас ничего почти не осталось. Одни фабрики да Черёмушки. Правда, Морозовские сохранились, покрепче нынешних будут.

— Вы последний, молодой человек?

— Я. — парень, не оборачиваясь, кивнул. — Вот за этой де-

вушкой.

Человек ничего не ответил.

— А хотите я...

Парень не договорил. Он сразу замолчал, как-то весь сжался, будто прислушиваясь к чему-то. Лицо его странно посерело. Девушка хотела что-то сказать, раскрыла рот, как вдруг парень резко повернулся и кулак его мощно и глухо ударил в подбородок стоящего позади них человека.

Очередь ахнула и рассыпалась.

Человек упал.

— Ах ты, ворюга, — прошипел парень, сжимая и разжимая пальцы.

Милиционера не было.

III

Никогда, никогда ещё не было с ним такого. Уже подходя к очереди, он почувствовал, что погиб. Нужно было уйти, повременить, но язык уже произнёс:

— Вы последний, молодой человек?

Он не слушал, что ему ответили. Полузакрыв глаза, он боролся с болью. От каждого движения и даже мысли в голове начинали стучать раскалённые молоточки, хотелось сжать её, давить, давить...

Он почти не думал о предстоящем, только чувствовал, что будет плохо. Впервые за 15 лет будет плохо. Но какое-то безразличие к самому себе сковало его волю. Он совершал ошибку, видел её, и был бессилен что-либо изменить. Жёсткое лицо парня, широкие плечи и перевитые узлами мышц руки говорили против него. Зачем ему нужен этот парень? Вокруг полно торговков, поддатых отпускников-северян, которых грех было не почистить... «Всё равно... всё равно... всё равно, — отстучали молоточки. Его рука привычным гибким движением скользнула к чуть оттопыренному клапану кармана.

«Почему всё равно? Ах, да. Ведь сегодня последний день

работы. Последний день одиночества. Он сам себя обрёл на него и 15 лет держался в жёстких рамках самоограничения, испытывая порой ужасные приступы ночной тоски.

— Доброе утро, Владимир Михайлович.

— Доброе утро, Марь Николаевна.

— Как дела на работе?

— Спасибо, ничего. А как у вас?

— А, какая там у нас работа! Так, мытарства одни.

(... рука его стала бесплотной. Пальцы коснулись бумажника, на долю секунды прижались к нему и ощутили мягкий, захватанный уголок его)

Его уважали в доме. Он был спокойный, умный, ни с кем не скандалил, правда, ни с кем и не дружил. Он очертил себя кругом, за пределы которого никого не допускал. И жил в нём один. Он никогда не задумывался, почему жил так, а не иначе. Так получилось. Тогда ещё, когда мальчишкой он приехал из голодающей деревни в Москву, с наивной мечтой получить профессию, стать человеком — в их деревне это была самая высокая оценка: — О, Иван-то, слышали, человеком стал. Или даже: — Большим человеком. По наивности своей он сразу же попал в руки опытных и терпеливых «учителей» и шаг за шагом постигал основы мастерства в своей работе. С крестьянской настойчивостью он весь отдавался своей работе и достиг в ней совершенства. Точно так же он достиг бы его и в любой другой работе. Постепенно его учителя ушли один за другим — кто на зону и сгинул там, кто на малине под ножом, кто от старости в своей конуре. Он остался один и никогда не искал общества подобных себе. Он стал Мастером. Наверное, всё могло бы быть по-другому. Он часто думал о женщине — хорошей, доброй, ласковой... Но он знал, что этого ему нельзя. И ещё — о детях. Девочке и мальчике, таких чистеньких, весёлых. По вечерам он мастерил бы им игрушки... Но этого ему тоже нельзя. Вся его жизнь состояла из одних этих «нельзя».

(Пальцы его действовали вполне независимо, он не думал

о них. Они знали своё дело! Бумажник, как приклеенный, медленно двигался вслед за ними).

Однажды он шёл по скверику, и какой-то малыш засеменил ему навстречу. — Папа, папа присёл, — лепетал он, захлёбываясь от радости. Вцепился в его ногу и подпрыгивал от нетерпения, требуя, чтобы его взяли на руки. Женщина, улыбаясь, забрала его, он упирался, а мать объясняла ему, что это не папа, папа далеко, скоро приедет, а это — дядя. Мальчик всё оглядывался, а Мастер стоял на месте и ему всё казалось, что это и вправду его сын.

(Он не заметил своей ошибки. Он только почувствовал, как оцепенел вдруг парень, напрягся, и понял, что всё кончено. А рука его продолжала своё дело).

Удара он не почувствовал. Тело было как ватное. Падая, он подумал, что как хорошо, сейчас он вытянется и уснёт. Завтра проснётся, голова будет ясная-ясная, и всё будет — по-другому.

— Ишь, скотина, ещё и улыбается, — сказал кто-то и брезгливо отодвинулся в сторону от его ног.

IV

Умер Мастер в больнице. Умирал он легко, в сознании, и боль в голове куда-то исчезла. Было так тихо, он не ощущал своего тела, рук, ног... Было такое чувство, будто он легко парит в высоте, нет, не парит, а падает и снова взмывает... Вверх — вниз, вверх — вниз... И не тело, а какая-то часть его неосязаемая — душа, что ли... За несколько минут перед смертью он позвал сестру, и когда она вошла и склонилась над ним, он, всё улыбаясь, попросил её сесть рядом и погладить его волосы.

— Можно, да?

Она не удивилась, и, пропуская его волосы меж пальцами, всё смотрела на его улыбку и думала о себе, о нём, о жизни. Она не заметила, когда он умер, ведь он всё улы-

бался. Странно, но лицо его как-то смягчилось, по-
лучило, как будто смерть проявила в нём то истинное, что со-
ставляло его сущность, и с последним вздохом своим он
снова стал тем наивным деревенским пареньком, приехав-
шим в город, чтобы стать человеком.

критика и публицистика

В отсутствие графоманов

Сентябрьский семинар молодых писателей в Советском и Югорске собрал в основном стихотворцев. Вот один из парадоксов нашего времени: народ (за редким исключением) стихов давно не читает, современная поэзия практически не издается, даже ежедневные газеты не хотят печатать поэтов, а количество стихотворцев тем не менее продолжает расти. Хотя серьезных открытий пока не видно. Видимо, все потрясения впереди.

Иное дело – проза. В Югорске свои рукописи принесли только три автора. По опыту других региональных семинаров я предполагал, что, возможно, будут заявлены какие-то важные темы. Но для литературы этого мало. Даже самый оригинальный замысел надо еще суметь достойно художественно воплотить.

В Югорске я столкнулся с чудом. На секции прозы не оказалось ни одного графомана. Больше того, в какой-то мере по рукописям всего трех югорских авторов можно было проследить определенные тенденции современной прозы.

Наверное, самые большие перспективы у Михаила Титова. Дело не в его достаточно молодом возрасте. Кому-то кажется, что вся проза Титова – это какой-то поток сознания. Нет, это не так. Просто ему неинтересно выстраивать сюжетные линии. Титов предпочитает обращаться к непривычным формам, чтоб ярче отразить абсурдность нашей жизни. Иногда он для достижения своей цели идет даже на эпатаж. Его герои устали от рутины. Спасаясь от одиночества, они ищут какие-то необычные приключения и стремятся к острым ощущениям. Может, поэтому Титов любит ситуации свободного падения. Он хочет понять: так осталось ли в этой жизни хоть что-то, за что измученный современной цивилизацией человек может зацепиться, или люди уже обречены погрязнуть в рутине?

встречи

знакомства

выступления

Интересный факт: простая этюдная форма письма Титова настолько запутала семинаристов, что кто-то готов был в героях его рассказа «Собачья жизнь» увидеть реальных людей. Все почему-то привыкли искать иносказания. Вот до чего общество дожило: выбежавших на случку собак принимает за мечтающих о красивых женихах молодых девчат. Это еще раз к вопросу об абсурдности нынешнего времени.

У Дмитрия Пивненко (Токкеа) другой стиль. Безусловно, на него в свое время огромное влияние оказало тесное общение с поэтом Борисом Чичибабиным и харьковскими интеллектуалами. Его проза явно тяготеет к авангарду. По крайней мере первую книгу рассказов Пивненко «Новейший завет», изданную в 1998 году в Харькове, я воспринимаю как дань автора постмодернистским юношеским увлечениям.

Однако в последнее время Пивненко, не отвергая до конца современный авангардизм и не совсем отказываясь от любимых фантазмагорий, вдруг обратился к традиционному жанру реалистической повести. Я имею в виду его повесть «Косы черные, расплетенные...», эту трогательную историю любви харьковского интеллектуала, уже обремененного семьей, но которую в университетском центре прилично содержать было практически невозможно – роскошествовать не позволяли нищенские «материковые» оклады, и мансийской девчонки, еще тянущейся к огням новых северных поселков, но где-то в глубине души сознающей, что именно эти огни, символизируя современную цивилизацию, обрекают ее род на скорое исчезновение. Хотя, если быть до конца честным, Пивненко здесь не со всем справился.

Он стал дпускать много неряшливостей. Если в ранних рассказах Пивненко старался играть с каждым словом (иногда складывалось впечатление, будто литература для него – лишь конструирование новых фраз), то в повести «Косы черные, расплетенные...» он предпочтение вдруг отдал скороговорке. Неожиданно возобладало публицистическое начало. Я не понимаю, зачем в повести надо так подробно мусолить тему вреда для северян интернатской формы образования или столь

долго разглагольствовать о проблемах пьянства. Не нужно подменять газеты. Непонятно, чего испугался автор, почему он не попытался сопрячь с действительностью мансийскую символику? Или фольклорные традиции для его героини – это уже только одна музейная декорация, в реальной жизни не имеющая никакого смысла?

Много вопросов вызывает и суровая проза Эдуарда Платушихина. Его реалистичное письмо начисто лишено каких-либо художественных изысков (не воспринимать же всерьез вкрапление в его автобиографические полотна беспомощных стихов из времен курсантской юности). Но сила Платушихина в другом – в деталях. Он умеет воскрешать время и создавать портрет целой эпохи (я веду речь прежде всего о повестях «Сочи. Главпочта. До востребования» и «Кадетский корпус или Маленькие генералы»). Хотя я не могу принять какую-то дикую озлобленность автора. Все понятно: поколение Платушихина, родившееся всего за год до войны, фактически было лишено детства, оно, по сути, не жило, а выживало. Это – огромная трагедия. Но, как мне кажется, и о своей драме можно по-разному рассказывать. Можно писать о своем самом плохом, что случилось в твоей жизни, но если не с верой, обязательно с надеждой на победу Добра, стремясь пробудить в человеке все-таки светлое начало. А можно писать и со злобой, направляя силу своего таланта на разжигание в людях каких-то звериных, низменных инстинктов. Во всяком случае я никак не могу приветствовать те страницы у Платушихина, в которых он столь беспощадно обличает свою мать. Я не увидел на этих страницах ни одной попытки понять драму человека, который подарил тебе жизнь. Я столкнулся только с ненавистью. И мне это было, если честно, неприятно.

А вот еще один вопрос, ответ на который я в Югорске так и не нашел. До сих пор не могу понять, почему молчат «столпы» новой северной цивилизации. Это ведь удивительно, что уже много лет ни Новый Уренгой, ни Сургут, ни Нефтеюганск, ни Ноябрьск, ни многие другие, рожденные в эпоху великих геологических открытий сибирские города – «стоты-

сячники» не дали литературе ни одного крупного прозаика. Хотя теперь все «стотысячники» имеют и свои университеты, и солидные библиотеки, и уникальные музеи. Практически все новые имена, как это ни парадоксально, «прорезались» сначала в каких-то, по московским понятиям, медвежьих углах. Вспомним: Сергей Козлов заявил о себе из крохотного поселка Горноправдинск, Александр Игумнов подал голос из небольшого городишка Советский, Сергей Луцкий забрался в деревушку Большетархово... И вот – югорское чудо: сразу три серьезных таланта в городе, население которого меньше 30 тысяч человек. как объяснить этот феномен? Не знаю.

*Вячеслав Огрызко,
заместитель редактора газеты «Литературная
Россия».*

«РОКОВАЯ ПЕЧАТЬ» ПОЭТИЧЕСКОГО ДАРА

*Дар поэта – ласкать и корябать,
Роковая на нем печать...*

С.Есенин

Владимир Волковец преданно служит поэзии более четверти века. Жанровое своеобразие его поэтических произведений велико – это поэмы, циклы стихов, но большей частью очень емкие – от восьмистиший до стихотворений в шестнадцать-двадцать строк – поэтические размышления о мире, о себе, о нашей дисгармонии с природой. Автор исследует сердце и душу человека, ставит диагноз его духовного самочувствия.

Владимир Волковец – поэт глубокой мысли, но, к сожалению, так и не открытый массовому читателю. В этом, конечно, вина литературной критики. Ведущей темой поэзии нашего земляка являются взаимоотношения человека с природой:

*Я прикипел к поселку,
Где каждая тропа
Ведет в тайгу, поскольку
Для многих лес – судьба...*

Лес для лирического героя – судьба, жизнь. Весь Север – это богатство природы. Первое ощущение после знакомства с поэзией Волковца – печаль, оттого, что мы, люди, все дальше и дальше отдаляемся от нашей первозданной Матери. И если бы дело было только в этом! Мы потребительски, как никогда, сегодня злоупотребляем тем, частью которого являемся сами. Так и хочется воскликнуть: «Люди! Одумайтесь! Посмотрите, какой красоты мы себя лишаем...» Печальник нашей природы говорит своим читателям обо всем этом ненавязчиво, с легким укором, одновременно как бы стыдясь того, что и сам он принадлежит к разряду самых хищных и ненасытных...

Мир природы автора молчаливо противостоит городс-

кой цивилизации:

Споткнешься и старая верба
Протянет побег второпях.
Страдая от нужд человека,
Не помня ни зла, ни добра,
Деревья, их сень и опека
Хранили не только тебя....

Мечта автора – воссоединить утраченные связи человека с природой. Но до ее осуществления еще далеко. Лирическому герою самому бы спасти душу от грязных притязаний.

Убежать от суматох

В дебри одиночества...

.....

Я сам еще во власти

Вчерашних неудач,

С друзьями по - февральски

Порывист и горяч....

Из этого можно сделать вывод – герой находится в разладе не только с природой и всем человечеством, но и с самим собой. И бушующую против всех и вся его суть мир не принимает. Это неприятие, непонимание берется из личной трагедии лирического героя. Трагический настрой поэзии Владимира Волковца, пожалуй, и есть то характерное, что отличает его творчество от большинства поэтов, которые и сами не ведают кризисов, но и деградации общества не видят. Их жизнерадостная поэтическая кретинизация в советскую эпоху воспевала коллективизацию и индустриализацию, борьбу с «врагами народа», освоение целины и строительство БАМа. В творчестве этих «оптимистов» были схожи не только темы, но и стиль. Была поэзия «без лица», образчик даже не коллективизма – конформизма.

Совершенно иное у Владимира Волковца. Его трагизм остро индивидуален лишь на первый взгляд, это подчеркивается следующими строчками:

Как много во мне
Человечьих путей –
Запутанных судеб,
Которые совестью
Правят мой –
Тревожат и судят...

Оно и понятно: настоящий поэт – всегда рупор настроения народа, а не «начальства», независимо от того, тиха ли его лира или горлопанит во всю мощь легких.

Как бы, например, поступил высокомерный индивидуалист с теми, кто путается у него под ногами из-за собственного комплекса неполноценности, пытаюсь обратить на себя внимание? Заклеймил бы как чернь и быдло! Поэт – всегда пульс народа, и даже тех, кто «ниже» его ростом:

У маленьких людей большие каблуки.

А спеси и обид – не перевесят двое.

И зачастую деньги да подлые дружки

Им заменяют все достоинства с лихвою...

.....
Заглянешь им в глаза, как одиноко в них –

Ни журавля в руке и ни синицы в небе.

И поэтому через трагизм поэзии Волковца, идущего от многих знаний человеческой души, возможно, и проклянется призыв к человекоединению, братской помощи каждого из нас друг другу, объединившимся против горестей и напастей! Ведь были же мы когда-то чисты и непорочны? Напоминанием об этом служит композиционное построение последнего поэтического сборника «Солнце на подоконнике». Его автор выстраивает свои стихотворения так, что первые из них доносят до нас то заповедальное и романтическое, что остро можно ощутить только в детстве или юности. Давно замечено, что начинающий поэт первые свои произведения посвящает проблемам, очень созвучным миру своих современников. Однако установленный вначале контакт с читателем не всегда бывает

долговременным. Если поэт истинно талантлив и не муссирует на разные лады одни и те же созвучия, то тогда его философская глубина все более и более усиливается. Чтобы понять страдальца и печальника, нужно побывать в его шкуре или хотя бы развить свое читательское чутье до такой степени, чтобы почувствовать трагическое одиночество поэта, ушедшего в своем развитии в такие дали, что там невооруженным глазом его не просто заметить. Но где они, эти увеличительные стекла литературной критики, через которые простой читатель мог бы увидеть то, что им открыл поэт.

Автор с грустью вспоминает свое беззаботное детство, когда малые печали соответствовали нашим малым знаниям. Детство, юность – это не только счастливая пора, это еще и наша близость к природной первозданности, далекой от той школы житейского театра, где из класса в класс каждый из нас переходит с разными отметками до той поры, пока не научится ханжеству, изворотливости, лицедейству. И лишь природа никогда не лжет. Наверное, именно по этой причине она и стала главной героиней поэзии Волковца. Через нее автор сопоставляет и развивает образы и явления, порой неброские линии и штрихи, а то и скульптурную выразительность. Бросается в глаза контраст красок – черные и белые цвета:

Газета по ветру шагала,
Пыталась взлететь, распластала
Страницы по грязной воде...

.....
Медленные, ветреные ночи
С пригориниею снега или звезд...

.....
Дорога двоится - на снег и на дым...

.....
Мохнатой гусеницей снег
На вербном марте...
От грязи улицы рябы...

Из контекста поэтических строчек поэта может сложиться впечатление того, что его любимое время года – зима: хо-

лодная, метельная, вьюжная, снежная. Из января она долго перекочевывает в февраль, а оттуда – в первый весенний месяц март, где зима пытается сопротивляться солнечным лучам. У Владимира Волковца весна обычно выражена мартом, лето – жарким июлем, а завершает годовой цикл – осень. Даже летний август «холоден и фиолетов. По-осеннему полон тревог». Осени поэт, пожалуй, более всего уделяет внимание:

Однажды проснусь совершенно немым.

И остолбенею среди первого снега,

Едва распознаю деревья и небо,

Деревья и небо, и город под ним....

.....

Листья для последнего помола

В колею намяло, намело....

Кажется, трагичность поэзии Волковца должны подчеркнуть такие времена года, как зима и осень, где переход природы из одного состояния в другое, ее сон являются основополагающими. Однако вопреки сложившемуся стереотипу прочитанного последнее стихотворение сборника «Весной на реке» выступает в роли опровержения трагического настроения всей книги. Весна – пробуждение жизни, вода – движение: «Теченьем подхватит, пока ты зевал...». Но даже в этом, опрокидывающем трагическое настроение поэта стихотворении финалом звучит гамлетовское: «Застынешь: взлетать или падать? – во мрак!»

Вячеслав Недуха,

г. Ханты-Мансийск

(Печатается в сокращении)

Жестокий романс

В день десятилетия выхода советских войск из Афганистана в Ханты-Мансийске вышла первая книга прозы Александра Игумнова “Пробуждение”.

У этой книги сложная судьба. Первый ее вариант сложился еще в 1989 году. Об Афганистане тогда писали в основном разве что “военные туристы”. Не было еще никакой ни “окопной правды”, ни “лейтенантской прозы”. Александр Игумнов мог стать если не первым, то одним из первых бытописателей афганского похода Советской Армии. Но уже тогда все больше и больше издателей плевать хотели на текущий литературный процесс. От писателей стали требовать спонсорских средств.

Игумнов совершил чудо. Он, как бы это трудно ни было, нашел деньги на свою первую книжку. Но издатель оказался элементарным жуликом. Вместо выпуска книги какой-то тюменский пройдоха с чужими деньгами сбежал на Дальний Восток. Кстати, прокуратура так ничего за все эти годы и не сделала, чтоб разыскать и примерно наказать мошенника.

После этой истории Игумнов решил, что, значит, ему просто не суждено быть писателем. Он даже особо не стал растраиваться, когда узнал, что почти все его рукописи куда-то пропали: то ли сгорели при пожаре, то ли кто-то взял да выкрал. И только несколько лет назад друзья – и прежде всего поэт Владимир Волковец – уговорили бывшего вертолетчика вернуться к письменному столу.

Возвращение проходило тяжело. Надо было определиться, какой путь избрать: то ли попытаться по памяти и случайно сохранившимся обрывочным записям реконструировать все рассказы в варианте 1989 года, то ли начать писать заново, без оглядки на прошлое.

Какое-то время Игумнов шел первой дорогой. Но результат не принес ему удовлетворения. И он после долгих сомнений отдал предпочтение второму пути.

Однажды по совету Волковца Игумнов кое-какие свои

литературные опыты прислал к нам в редакцию. Его афганская проза нас просто ошеломила.

Позже оказалось, что публикации Игумнова в “Литературной России” произвели сильное впечатление на председателя Ханты-Мансийского окружного комитета по СМИ и полиграфии Александра Мишунина. Еще не имея всей рукописи, он поставил книгу Игумнова в план выпуска на 1998 год. Как раз в тот момент у комитета были средства и все возможности издать книгу за 3-4 месяца. Но тут уже застеснялся Игумнов. Как он говорил друзьям, надо сходить в отпуск, довести рукопись до ума и только потом уже можно будет заняться издательскими делами.

Естественно, графоманы стали атаковать Мишунина, чтоб он игумновскую позицию в темплане уступил под их сочинения. Тут еще в округе возникли проблемы с деньгами, и в какой-то момент издательская программа Мишунина зависла.

В общем, дискету с компьютерным набором своих рассказов Игумнов привез в Ханты-Мансийск лишь после новогодних праздников. Обыватели сразу его огорчили: хорошо, если книга будет издана за полгода.

А дальше случилась сказка. Ханты-мансийцы не зря кличут Мишунина “негласным большим писателем”. Не имея денег, он сумел убедить местную типографию под честное слово сделать Игумнову книжку всего за 20 (!) дней. Что-то типография сделала по взаимозачетам, что-то — в долг, но главное — она уложилась в срок. Я мечтаю, чтобы каждая писательская организация имела своего Мишунина.

Конечно, нам приятно, что книга “Пробуждение” на три четверти состоит из рассказов, в 1997-1999 годах напечатанных в “Литературной России” и журнале “Мир Севера”.

Наверное, будут и замечания. Я думаю, зря А.Игумнов уступил напору своего редактора Н.Коняева и дал книге далеко не самое свежее название “Пробуждение”. У редактора были свои соображения: у Игумнова одни трагедии, кругом безысходность, нужна хоть какая-то надежда. Но разве войны бы-

вают оптимистическими? К тому же рассказ “Пробуждение” – один из немногих в книге, который был фактически восстановлен по черновым обрывкам 1989 года. Он в какой-то мере отражает тогдашнее состояние автора и не совсем, как мне кажется, убедителен. Мне думается, более правильно книгу было бы назвать по другому рассказу – “Не оставлять в живых”. Это название – тоже не самое свежее, есть в нем какой-то коммерческий, или рыночный, как теперь говорят, “душок”, но оно более точно отражает суть сборника. Кстати, неплохо было бы, если бы редактор согласовывал с автором предисловия, нуждается ли он в “подпорках”, чтоб его имя дополнять какими-то должностями или званиями. Непонятно: что – просто литературные критики уже никому не нужны? Как у нас все-таки любят звания. Но все это частности, уместные при более детальном разборе игумновской книги.

Сейчас важно подчеркнуть другое: выход “Пробуждения” Игумнова – это, безусловно, в нашей литературе событие.

А напоследок коснусь еще одного обстоятельства. Впереди Игумнова ждут, может, самые трудные времена. Очень многое в его писательской судьбе будет значить вторая книга. Сейчас появится много советчиков, кто-то начнет уговаривать бывшего вертолетчика бросить писать про войну и переключиться на романтику мирного времени, кто-то предложит сменить жанр и взяться за освоение романного эпоса, а кто-то станет убеждать ради прокорма семьи попробовать силы в детективе. Словом, вариантов как будто много. Но в реальности все будет в тысячу раз сложнее.

Не случайно многие фронтовики шли к второй книге по пять, восемь и более лет. И далеко не все они нашли себя. Мне почему-то кажется, что Виктор Некрасов так и не смог превзойти свою первую вещь “В окопах Сталинграда”, как Вячеслав Кондратьев не смог превзойти свою первую повесть “Сашка”.

Много проблем в свое время было и у Юрия Бондарева, Константина Воробьева, Григория Бакланова и Василя Бы-

кова – самых лучших, как я считаю, бытописателей Великой Отечественной войны. Так, Бондарев и Бакланов буквально ворвались в литературу с обжигающей “лейтенантской прозой” но вот романы про мирную жизнь у них явно не получились. Быкова же, наоборот, кое-кто из критиков до сих пор упрекает за частую повторяемость в его повестях одних и тех же ситуаций и за якобы похожие сюжетные ходы. Хотя дело, на мой взгляд, тут не в повторяемости, а в художественном развитии.

Повторю, сейчас огромное значение будет иметь вторая книга Игумнова. Она во многом предопределит дальнейший его путь в литературе: то ли мы получили еще одного ремесленника, научившегося каждый год “клепать” по очередному “кирпичу”, то ли миру явится серьезный художник, способный всерьез влиять на умонастроения общества.

Вяч. Калмыков.

“Литературная Россия”. 26.02.99 г.

Содержание

Приветственное слово главы района	3
Первое организационное	4
В. Фомичев	
Сибирский «Кедр»	5
Стихи	9
Людмила Ветрова	12
Юлия Вингалова	18
Владимир Волковец	22
Игорь Герасимов	26
Анатолий Казанцев	28
Татьяна Кондратьева	34
Дмитрий Корякин	37
Олеся Любушкина	42
Александр Мочалов	44
<u>Николай Николаев</u>	47
Дмитрий Ольховой	49
Раиса Перевалова	53
Марина Русская	54
Александр Смирнов	56
Вячеслав Смоленский	58
Сергей Хомутинин	62
Любовь Цонева	69
Станислав Юрченко	71
Александр Игумнов	83
Валентин Степанов	92
Дмитрий Токкеа	101
Александр Губанов	106
Критика и публицистика	114
«Роковая печать поэтического дара»	119
Жестокий романс	124

Под созвездием «Кедра»
альманах

Составитель В. Волковец
Дизайн и верстка С. Карташов

Сдано в набор 10.01.2002 г
Подписано в печать 11.03.2002 г
Формат 60х84/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Условных печатных листов 8,5
Тираж 1000
Лицензия ИД № 01441 от 5.04.2000 г.

УП ХМАО «Советская типография»
628240 г Советский
ул. 50 лет Пионерии, 11 «В»
тел (34675) 3-10-84, факс 3-22-09

100-100000

100-100000

100-100000

100-100000

100-100000

100-100000

